Мы с истекшим сроком годности

Автор:
Стейс Крамер

Мы с истекшим сроком годности

Стейс Крамер

Звезда Рунета

Джине 17 лет, и у нее все прекрасно – любящая семья, младшая сестренка, симпатичный парень, школу она заканчивает как одна из лучших учениц и готовится поступить в престижный Йельский университет. Но на выпускном случается трагедия, которая перевернет ее жизнь, и подарит шанс начать все заново…

Авария, инвалидное кресло, реабилитационный центр. Кажется, что черная полоса никогда не закончится, но, возможно, именно все эти события позволили Джине найти себя, верных друзей и истинную любовь?

Стейс Крамер

Мы с истекшим сроком годности

Александре, Ирине и Валентине

Трем

моим

любимым

женщинам

Только великая боль приводит дух к последней свободе: только она помогает нам достигнуть последних глубин нашего существа, – и тот, для кого она была почти смертельна, с гордостью может сказать о себе: я знаю о жизни больше…

Фридрих Ницше

Я очнулась, когда лучи полуденного солнца коснулись краешка моей больничной койки. Переждав минутное помутнение сознания, я стараюсь оторвать от подушки голову, которая, кажется, стала в несколько раз тяжелее. В палате так тихо, что я слышу каждый удар моего сердца. Пытаюсь вспомнить, почему я нахожусь здесь, но это оказывается не такой уж и легкой задачей. Небольшие клочки воспоминаний всплывают у меня в сознании, и за каждое из них я пытаюсь ухватиться. И вот когда мой взор падает на мою руку, которую стягивает повязка из бинта, все воспоминания складываются в единый пазл и дают, наконец, долгожданный ответ.

Я пыталась покончить с собой.

Я так долго ждала тот вечер. Еще учась в младшей школе, я представляла, в каком платье буду на выпускном, с какими украшениями и прической. И вот когда я уже была одета в то самое платье, о котором мечтала, и держала в руках измятый листок с торжественной речью, которую должна была прочесть перед остальными выпускниками и учителями, я улыбалась и поражалась тому, как быстро летит время.

Я даже представить не могла, что тот самый долгожданный вечер в одночасье заставит рухнуть весь мой привычный мир.

Если бы вы меня случайно встретили на улице, то я бы вам не запомнилась. Я обычная, с обычной фигурой, с обычными черными волосами, которые вкупе с бледной кожей придают мне вид вампира или же смертельно больной девушки. Абсолютно ничем не примечательная личность со своими недостатками и горсткой достоинств.

Но в тот вечер я была сама на себя не похожа.

Я выглядела совсем взрослой. Даже выражение лица изменилось. Оно теперь было такое сосредоточенное, серьезное. И это платье, сшитое на заказ, так дополняло меня. Черное, усыпанное микроскопическими блестками. Роскошный, объемный подол прятал мои ноги.

Ровно три часа и пятнадцать минут мама кружила надо мной с расческой и лаком для волос. Это стоило того. Она превратила мои безжизненные волосы в прекрасные локоны. Мама в прошлом стилист, поэтому ей под силу превратить такую неряшливую девицу, как я, в настоящую принцессу.

Нина, моя младшая сестра, все это время сидела напротив меня и следила за действиями мамы.

Нине всего шесть, она до беспамятства влюблена в балет, не пропускает ни одного занятия в своей балетной школе, и все стены ее комнаты облеплены фотографиями известных балерин, на которых она старается равняться.

– Я хочу быть такой же, как Вирджиния, – вопила Нина.

– Почему? – спросила я.

– Потому что ты красивая, умная и еще твой парень похож на Зака Эфрона.

Я начала смеяться.

– Кстати, а этот твой Скотт где собирается учиться? – спросила мама.

– Он еще не решил. Но все равно переедет в Коннектикут, чтобы быть со мною рядом.

– Как мило, – язвительно сказала мама.

Я встречалась со Скоттом два года, и все самые прекрасные моменты моей жизни были связаны именно с этим периодом. До него у меня не было ни с кем отношений, поскольку у меня всегда в приоритете была учеба и только учеба. Со

Скоттом мы учились в одной школе, но никогда не общались и очень редко встречались и лишь на вечеринке по случаю дня рождения моей подруги Лив мы и познакомились. Хотя «познакомились» громко сказано. Он и Лив тащили мое пьяное тело до дома. Признаться, это был первый случай в моей жизни, когда я напилась до такой степени, что мое сознание вырубилось на несколько часов. На следующее утро Скотт пришел меня навестить, и лишь тогда я смогла его хорошо разглядеть. Коротко подстриженные светло-русые волосы были вздернуты вверх, и он мне напоминал ежика. Верхняя губа тонкая, нижняя пухлая. Глаза цвета хмурого неба. Темные, прекрасные. Я никогда не считала себя настолько красивой, чтобы нравиться мальчикам, поэтому была очень удивлена, когда он обратил на меня внимание. У него своеобразное чувство юмора. Вспыльчивый характер, но меня это даже привлекало в нем.

Наше общение со Скоттом вызвало резкие изменения в моих отношениях с мамой. Она, наверное, с самого моего рождения мечтала, чтобы я поступила в Йельский университет и посвятила свою жизнь науке. И, как полагается, мама посчитала Скотта прямой угрозой ее планам. Нередко у нас случались настоящие семейные скандалы, когда я собиралась на свидание. Лишь папа был на моей стороне, всегда говорил маме, что я уже взрослая и вполне могу принимать самостоятельные решения. И даже в тот роковой выпускной вечер он дал нам со Скоттом в распоряжение свой новый кабриолет, поскольку машина Скотта была в ремонте.

– Пап, ты серьезно?

– Да, сегодня я слишком добрый.

– Спасибо. – Я кинулась в папины объятия. – Я тебя обожаю.

– Держи. – Папа дал мне ключи от своего нового кабриолета. – Надеюсь, с ней все будет в порядке?

– Конечно.

– Скотт, а вы хорошо водите машину? – спросила мама. От ее холодного тона у меня мурашки побежали по спине.

– Эмм… разумеется.

– Ты только ничего не подумай, просто мы доверяем тебе нашу дочь.

– С ней все будет в порядке, миссис Абрамс.

Я чувствовала, что Скотт начал нервничать. Он так крепко сжал мою кисть, что я чуть не взвизгнула.

– Ну, я думаю, нам пора идти, – сказала я.

– Удачи.

– Хорошо повеселитесь там, – промолвил папа.

Мне давно следовало понять, что наши отношения со Скоттом уже не те, что были раньше. Мы реже виделись, созванивались. Скотт стал скрытным, скупым на откровения. Но меня тогда это нисколько не настораживало, мне казалось, что все происходящее объясняется стрессом из-за экзаменов.

Начиналась торжественная часть. В центр сцены вышел наш директор Кларк Смит и начал говорить свою наизусть выученную речь. Он шепелявил, и из-за этого половина того, что Кларк говорил, было непонятно. В конце своего выступления директор «натянул» на лицо улыбку и ушел. Далее на сцене появилась миссис Верховски, заместитель директора. На экране, позади нее, отображались фотографии лучших учеников школы. Среди них я нашла и свою. Верховски начала рассказывать про то, каким был этот год. Я, как и все присутствующие, еле-еле удерживалась не заснуть. Но оказалось, что на этом «веселое» мероприятие не заканчивалось. На сцену то и дело выходили какие-то важные люди с записанными на бумаге поздравлениями, затем каждый из них рассказывал про то, как он учился в школе. Мои веки перестали меня слушаться, я чувствовала, что вот-вот засну на плече у Скотта, но тут со сцены донеслось мое имя.

– А сейчас мы предоставляем слово одной из наших лучших учениц Вирджинии Абрамс.

Я встала под шум аплодисментов. Как же мне было страшно. Выступать на публике – это не мое. Я уже заранее знаю, что обязательно запнусь где-нибудь

или еще хуже, упаду, подымаясь на сцену, ведь ноги предательски подкашиваются из-за дрожи. Когда я оказалась на сцене, я начала искать глазами Лив или Скотта. Все внимательно уставились на меня, я трясущимися руками взяла микрофон и заставила себя говорить отрепетированную речь.

– Всем привет, я… хочу поздравить всех нас с окончанием школы. Мы все долго ждали этого дня, и наконец-то он настал. Хочу поблагодарить учителей, которые столько лет терпели нас. Теперь у всех нас начинается новый этап в жизни. Когда мы учились в школе, у нас было две заботы. Первая – как незаметно списать контрольную. – Все начали смеяться, мне это вмиг придало уверенности. – И вторая – как незаметно улизнуть с урока физкультуры. А теперь начинаются новые проблемы, новые заботы, и они намного серьезнее тех, к которым мы все привыкли. Я желаю всем нам справиться со всеми трудностями, с которыми нам предстоит столкнуться. – После секундной паузы я продолжила: – Я люблю тебя, школа, и я буду очень сильно по тебе скучать. Спасибо.

Все вновь начали аплодировать мне.

Через двадцать минут после моего выступления торжественная часть заканчивается. В холле снова скопилась толпа, все обнимаются, целуют друг друга в щеки, фотографируют учителей на память.

– Вирджиния, можно тебя на секунду? – слышу я голос миссис Верховски.

– Мы будем ждать тебя в машине, – сказала Лив.

Я подошла к Верховски.

– Прекрасная речь.

– Спасибо.

– Я слышала, ты поступаешь в Йельский?

– Да.

– Хотя я уверена, что у тебя все получится, но я все равно хочу пожелать тебе удачи. У тебя большое будущее.

В это мгновение меня окатило жаром, до такой степени мне были приятны ее слова.

– Еще раз спасибо. – Мы обнимаем друг друга.

Все выпускники, включая меня, Лив и Скотта, направились на вечеринку братьев-близнецов Пола и Шона. Это знаменитые на всю Миннесоту тусовщики, в доме которых проходят самые шумные вечеринки штата.

Хотя нет, это не дом, это настоящий дворец. Три этажа, два корпуса. Сам дом выполнен в строгом классическом стиле, но разноцветные подсветки, напичканные практически у каждого окна, делают его не таким уж и аскетичным. Также у них имеется бассейн, который привлек мое внимание сразу, как только я перешагнула за границу ворот. Он огромный! Голубая вода смешивается с белоснежной пеной. Поблизости от бассейна находится бар, со стоящими на полках блестящими бутылками спиртного.

Я смутно помню детали того, что происходило на вечеринке в тот роковой день. Также трудно будет вспомнить то количество алкоголя, что я употребила. Мне хотелось последний раз насладиться тем сладким периодом, когда ты уже не учишься в школе, но еще и не являешься студентом. Помню, что Лив раздобыла где-то пару косячков, от которых я не смогла отказаться. Еще помню, как мы с моей подругой в компании нескольких таких же пьяных выпускников одновременно прыгнули в тот самый бассейн. Я была уже в таком состоянии, что мне было плевать на платье моей мечты, прическу и макияж. И это, наверное, самое яркое воспоминание за тот вечер.

Помню, как мы с Лив лежали на траве в мокрых платьях, смотрели на ночное небо, смеялись и разговаривали о чем-то. Я уже и не помню о чем именно, возможно, о нашем будущем, о том, что скоро мы вовсе перестанем видеться из-за того, что будем находиться в разных штатах. Лив хотела уехать в Чикаго и пройти кастинг в одну из лучших танцевальных трупп в Америке. Она с самого детства занимается танцами, и я осмелюсь предположить, что Лив – одна из лучших танцовщиц Миннеаполиса.

Дальше я не помню, куда зашел наш разговор, но в моей памяти осталось одно четкое воспоминание: я поняла, что за весь вечер видела Скотта только два или три раза, и отправилась на его поиски.

– Эй, ты не видел Скотта? – спросила я одного из выпускников.

– По-моему, он в доме.

– Спасибо.

По пути к дому я столкнулась с четырьмя такими же пьяными людьми, как я. Не знаю, как у всех остались силы, чтобы продолжать танцевать и пить. Мне удается среди огромного скопления людей найти одного из друзей Скотта.

– Люк, ты не видел Скотта?

– Нет.

Я отошла подальше от толпы, достала из сумки телефон и начала звонить Скотту, но первая, вторая и третья попытка дозвониться ему оказались безуспешными.

У меня начала кружиться голова. Я дошла до левого корпуса. Там было так тихо, лишь слышен за дверями смех уединившихся парочек. Снова звоню Скотту.

– Ну давай же, бери трубку!

Я шла по длинному коридору, не переставая держать телефон у уха. Резко остановилась. Мне показалось, что я слышу рингтон телефона Скотта. Прошла еще пару метров. Я подходила к каждой двери и прислушивалась, а спустя несколько минут остановилась напротив очередной двери. Там звук рингтона был отчетливо слышен. Я открыла дверь. В комнате темно. Включила свет, заметила лежащий на комоде телефон Скотта.

– Скотт? – тихо спросила я.

Смех. Я слышала смех. Он доносился из ванной комнаты. Я осторожно подкралась к двери и открыла ее. И в тот момент мне бы очень хотелось, чтобы меня кто-нибудь ударил по голове, чтобы память покинула меня навсегда. Я не знаю, как описать то, что чувствовала тогда. Эта боль сопоставима с той болью, которая появляется, если упасть в яму, до краев наполненную битым стеклом.

Я видела стоящего спиной Скотта со спущенными штанами, а его руки обнимали какую-то девушку. У меня перехватило дыхание. Тело просто отказывалось мне подчиняться, я стояла как вкопанная и не могла ничего сказать.

Вскоре парочка меня заметила. При виде испуганного взгляда Скотта мне стало мерзко. К горлу подкатывала кислота. Я сделала несколько шагов назад, не переставая смотреть на него, затем развернулась и вышла из комнаты.

– Джина!

«Не верю. Нет. Это неправда. Я пьяна, я под кайфом, мне это снится, это все не по-настоящему», – пронеслось у меня в голове. Я оперлась о стену и медленно скатилась вниз. Мне хотелось сорваться с места и бежать, но мое тело не слушалось меня, я лишь сидела, находясь в ступоре. Скотт и девушка вышли из комнаты.

– Ну что ты молчишь? Сам ей расскажешь или как?

– Уходи.

– Как скажешь. Только не забудь захватить мои трусики.

– Джина… – Ну давай, скажи, что это ошибка, скажи, что ты любишь меня, давай. – Я давно хотел с тобой порвать.

– Что?

– Ее зовут Памела. Мы с ней уже несколько месяцев встречаемся, я хотел тебе об этом сказать, но… но я не хотел выглядеть ублюдком! Ты мне нравишься, ты правда мне нравишься, но ты, твои родители и я – это два разных мира. Найди себе умного, богатого, того, кого хотят видеть рядом с тобой твои родители. Я

так больше не могу. Я устал.

Помню, как встаю с пола, подхожу к Скотту, смотрю в его синие глаза, из-за которых я в него по уши влюбилась смотрю на его губы, мягкость которых мне так нравилась, и которые я жаждала целовать снова и снова, но теперь на них виднеются следы блекло-розовой помады Памелы.

– Ты не ублюдок, Скотт, – сказала я, сжимая ладони в кулаки. – Ты хуже.

Я развернулась и пошла прочь.

Я не слышала музыку, фигуры людей расплывались перед глазами. Внутри меня все трепетало, казалось, что где-то там, в недрах моей души, находится бомба, которая вот-вот взорвется. Все тело трясло от ненависти и боли.

Помню, как я расталкиваю толпу, выбираюсь на улицу и бегу к парковке. Уехать. Все, что я хотела – это уехать. Хотела быстрее добраться до дома, лечь в холодную постель и уснуть. Я надеялась, что следующим утром он мне позвонит. Я была просто уверена, что он мне позвонит. Будет извиняться, говорить, как он любит меня. Оправдываться, что на вечеринке он был пьян и не понимал, что творит и что говорит. Я мало что тогда соображала, но состояние у меня было такое, будто мне сжали легкие. Я не могла дышать, и каждый стук сердца отражался болью. Я добралась до папиной машины, повернула ключ, двигатель завелся. С громким визгом кабриолет тронулся с места. Я помню шум, звенящий в ушах, который становился все громче и раздражительнее. Шоссе двоилось в глазах, машина то и дело виляла то вправо, то влево. Слезы прозрачной пеленой обволокли глаза, все расплывалось. В какой-то момент я осознаю, что начала рыдать в голос. Руки дрожали, я совершенно потеряла контроль над собой. Слезы попадали в рот, их солено-кислый вкус был так противен мне. Затем я слышу, как из моей сумки раздается рингтон телефона. Мама. Ну, конечно, это была мама, ведь было довольно поздно, и она волновалась. Я была не в состоянии взять трубку, потому что чувствовала, что не произнесу ни одного внятного слова. Громкий звук рингтона продолжался.

– Хватит… хватит, хватит!!! – кричала я.

Я вывернула на главную дорогу, машин было огромное количество. Мое сердце от страха начало колотиться еще сильнее. А телефон все не умолкал, что вызывало во мне еще больше ярости.

Затем я услышала звук сирены. Оказалось, что у меня «на хвосте» две полицейские машины.

– Твою мать! – кричала я.

Видимо, я значительно превысила скорость. Ничего умного в мою голову не пришло, кроме того, как еще сильнее надавить на газ. Я не видела ничего перед собой, ехала, можно сказать, вслепую. Помню, как давлю на газ еще сильнее, скорость только вызывает выброс адреналина в кровь. Кажется, впереди меня ждал поворот, я со всей силы повернула руль влево, и тут меня ослепил яркий свет фар огромного грузовика. Мое тело оцепенело от ужаса. Помню, как водитель грузовика сигналил мне, но я, ослепленная ярким светом, чувствуя, что страх полностью взял надо мной контроль, бросила руль и закрыла глаза.

Неяркое солнце, маленькие облачка, разбросанные по синему небу. Меня окружали непонятные сиреневые цветы, достающие до колен. Я бежала, расставив руки по сторонам, касаясь кончиками пальцев влажных стеблей цветов. Я не понимала, где я нахожусь, но одно могу сказать точно, мне там нравилось. Там очень хорошо. Я бежала вперед, теплый ветер ласкал мои волосы.

Вспышка.

– Вирджиния, о чем ты мечтаешь?

Мама с папой сидят передо мной, смотрят на меня и улыбаются.

– О новом велосипеде, – отвечаю я.

– А еще о чем ты мечтаешь? Или о ком-то? – спрашивает мама.

– Я мечтаю о собаке… Вы что, купили мне щенка? – радостно спрашиваю я.

– Нет, детка, мама скоро подарит тебе братика или сестренку, – говорит папа.

– У меня будет младшая сестра?

Одно из самых лучших моих воспоминаний. Мне было двенадцать лет, когда мама сообщила о своей беременности. Тогда меня просто переполняло чувство радости. Я всегда завидовала тем, у кого есть младшие братья и сестры, и теперь у меня самой будет маленькое сокровище.

Вспышка.

Мама была уже на девятом месяце. Одним из моих любимых занятий было наблюдать за тем, как Нина толкалась ножками и ручками в мамином животе.

Мама сидит в кресле-качалке, я подхожу к ней.

– Мам, а она слышит нас?

– Конечно.

Я наклоняюсь к маминому животу и начинаю шептать.

– Эй, сестренка… ты еще не родилась, но я уже тебя люблю. Мы будем с тобой играть, я буду расчесывать твои волосики, а потом, когда ты подрастешь, я научу тебя краситься.

Мама смеется. Я целую ее в живот.

Вспышка.

Была зима. Я, Лив и Скотт играли в снежки. Мы бегаем, смеемся, как малые дети. Руки уже покраснели от снега и мороза. Скотт валит меня на снег и цепляется руками за мои запястья. Его ресницы покрыты инеем, отчего он выглядит очень забавным.

– Скотт, мне холодно.

Скотт наклоняется ко мне, и наши окоченевшие губы находят друг друга. Поначалу мне казалось, что я превратилась в ледышку, но после поцелуя я почувствовала, как начала медленно таять.

– А сейчас?

– Теплее…

Наши губы снова смыкаются, и теперь поцелуй длится намного дольше. Я забываю о морозе минус тридцать, о том, что моя одежда пропиталась снегом и теперь ее можно выжимать. Мне кажется, что меня положили в ванну, наполненную горячей водой, и вмиг мне становится хорошо.

– А теперь горячо, – говорю я.

Вспышка.

На этот раз вспышка была ярче предыдущих. Я открываю глаза. Меня вновь ослепляет белый свет. Веки кажутся такими тяжелыми, я не хочу моргать, потому что боюсь снова провалиться в то неземное пространство, где я была несколько секунд назад. Проходит минут пять, перед тем, как я осознаю, что нахожусь в больнице. В теле чувствуется дискомфорт. Мышцы спины и рук ломит, во рту пересохло. Замечаю трубку капельницы, воткнутую мне в вену. Голову стягивает бинт, на лице маска аппарата искусственной вентиляции легких. Вижу, как возле меня спит мама, сидя на стуле. Состояние такое, будто я проспала вечность.

– Мама… – шепчу я, – мам, мама.

Ее веки приподнимаются, и, увидев меня в сознании, мама мигом вскакивает со стула, хватает меня за руку и начинает рассматривать.

– Господи, Господи… Вирджиния, как ты… как ты себя чувствуешь? – От волнения мама начинает запинаться. Она снимает с меня маску.

– Нормально…

– Я сейчас позову доктора.

Мама выбегает в коридор. Ощущаю какую-то тяжесть в теле. Кажется, что все мои мышцы окостенели. В некоторых местах кожу сильно стягивает, вероятно, там швы или еще что-то. О том, что со мной происходило, пока я была без сознания, я могу лишь догадываться.

В палату мама заходит в компании доктора. Его очертания расплываются перед моими глазами.

– Ну, здравствуй, Вирджиния, как самочувствие?

– Она сказала, что чувствует себя нормально, – отвечает за меня мама.

– Ты помнишь, что с тобой произошло?

Я киваю. Боже, как же сильно затекла шея, очень больно ею поворачивать.

– Я… ехала на машине и…

– И попала в жуткую аварию. Но тебе очень повезло. В редких случаях люди выживают в таких авариях. Ты перенесла три операции, провела несколько дней без сознания. Но теперь все страшное позади. Ты очень скоро поправишься и поедешь домой.

Смотрю на маму, ее веки полны слез.

– Мама, почему ты плачешь? – Произнесение каждого слова дается мне с трудом. Голос осип, губы совсем сухие.

– Да это я так… от счастья. Я думала, что больше никогда не услышу твой голос.

Чувствую сильную боль в позвоночнике, которая мешает мне глубоко вздохнуть. В этот же момент мною овладевает новое чувство. Это не чувство боли, не

чувство дискомфорта. Это такое странное чувство, будто мне чего-то недостает. Такое ощущение, что мое тело вовсе не принадлежит мне. И только несколько минут спустя я, наконец, осознаю, чего мне не хватает. Я не чувствую своих ног. Я не могу пошевелить ступнями, и такое ощущение, что это вообще не мои ноги.

– Доктор… а почему я не чувствую своих ног? Это что, наркоз какой-то или еще что-то? – Мой голос дрожит, и я понимаю, что не хочу слышать ответа на свой вопрос.

Доктор еще минуту молчит и смотрит в пол.

– Видишь ли, Вирджиния, как я уже сказал, авария была серьезная, и то, что ты выжила, это поистине чудо. Но, к сожалению, каждая авария влечет за собой последствия. У тебя произошло сильное смещение нижних позвонков, спинной мозг поврежден, все это вызвало параплегию, иными словами, паралич нижних конечностей.

Его слова вонзились в мою грудь, словно сотни кинжалов. Я не могу сказать ни единого слова. Язык отказывается мне подчиняться. Я просто закрываю глаза и заставляю себя заснуть. Скорее всего, это какой-то страшный сон, я проснусь, и все снова вернется в привычное русло.

– Доктор, но ведь это же не навсегда? Ведь можно сделать операцию… мы заплатим любые деньги. – Я слышу, как мама начала рыдать.

– Увы, мы сделали все, что от нас зависело. Я знаю пару случаев, когда люди с таким же диагнозом, как у Вирджинии, вставали на ноги, так что, возможно, ей тоже повезет. Ну а пока, до ее выписки, вы должны подготовить ваш дом. Сделать поручни, оборудовать лестницу, купить кресло-туалет для инвалидов, ну и, соответственно, удобное инвалидное кресло.

ИНВАЛИДНОЕ. Я широко раскрываю глаза и начинаю дышать ртом. Физическая боль полностью затмевается той болью, которую нанесли мне его слова. Это не просто слова, это приговор. Я крепко сжимаю мамину ладонь.

– Нет… нет, нет! Это невозможно! – кричу я сквозь боль.

В палату сразу же вбегает медсестра.

– Срочно вколите ей успокоительного.

– Нет! Это ошибка!

Кровь смешивается с дозой успокоительного. Вмиг мои мышцы расслабляются, я отпускаю мамину руку. Замираю в одном положении. Последняя фраза, которую я слышу перед погружением в сон, это фраза доктора:

– Мне очень жаль, Вирджиния.

Часть 1. Поломка

Глава 1

Человек может долгое время находиться в состоянии полного безразличия к окружающему миру. Душа «умирает», а организм продолжает функционировать.

Первые два дня я заставляла себя не просыпаться, но из-за постоянной сухости во рту и жжения в горле мне приходилось пробуждаться ради глотка воды. Каждый день я просыпалась с надеждой, что все это сон. Я мечтала открыть глаза и увидеть потолок своей комнаты, но противный больничный запах вмиг разрушал все мои надежды. Каждый день я надеялась, что мои ноги «оживут», но все впустую. Они превратились в два бездушных «бревна». Однажды, когда я в очередной раз проснулась и снова поняла, что не могу шевелить пальцами ног, я закричала. Думаю, что мой крик слышала вся больница. Я кричала во всю глотку, не жалея голосовых связок. В палату забежали две медсестры, одна успокаивала меня и крепко сжимала руку, другая вводила мне иглу в вену с очередной дозой успокоительного. Возможно, я этого и добивалась. Когда я уже не могла себя заставить сомкнуть глаза и уснуть, я начинала кричать, чтобы меня насильно погрузили в сон. Сон для меня стал единственным средством спасения. Он спасал меня от той проклятой реальности, в которую я уже не

желала возвращаться.

Меня перевели в обычную одиночную палату, здесь уже не было разнообразных пищащих устройств, которые лишний раз напоминали мне о моем положении. Я сразу влюбилась в тишину своей новой палаты. Далее начались жалкие «дни сопереживания». Все знакомые вмиг вспомнили о моем существовании и считали своим долгом прийти ко мне в палату, сделать унылую физиономию и сказать: «Я тебя понимаю». Врете! Вы ни черта не понимаете! Мне хотелось, мне очень хотелось им это сказать, но я не могла. Поначалу физически, ибо из-за постоянных криков я повредила свой голосовой аппарат. Но потом я начала симулировать. Мне не хотелось ни с кем разговаривать. Мама практически каждый день дежурила у моей кровати. Я чувствовала, как ее раздражает мое молчание. Она сжимала мою ладонь и плакала. Ее слезы падали на мою кожу, оставляя блестящий мокрый след. Я слышала, как стонет ее душа.

Первые две недели Николас, так звали моего лечащего врача, запрещал мне двигаться. Это был крупный седовласый мужчина, который, как мне казалось, относился ко мне не как к живому, больному человеку, а как к биоматериалу, который он ежечасно пичкал разнообразными препаратами со страшными названиями.

Вокруг меня то и дело бегали усталые медсестры, подносили стакан воды, поправляли одеяло, выносили судно из-под меня. Не дай Бог никому испытать такое отвратительное чувство, когда из-под тебя, взрослого человека, выносят твое собственное дерьмо, а ты не в силах даже поблагодарить за это. На третьей неделе я уже могла находиться в позе полусидя. Поначалу мне казалось, что мне вместо мышц вшили железки, потому что они были настолько жесткими, в прямом смысле, что мне становилось страшно. Николас сказал, что у меня легкая спастика мышц.

В конце четвертой недели доктор сообщил родителям о том, что я успешно поправляюсь. Швы срослись, кости крепнут. Мама с папой «расцвели» от счастья.

Лив старалась меня навещать как можно чаще. Это был единственный человек, который приходил ко мне не с кислой миной и общался со мной так, будто бы ничего не произошло. Я благодарна ей за это.

На пятой неделе я могла сидеть. С большим усилием я смогла сесть, для меня это был настоящий подвиг. Я даже заплакала от счастья. Правда, сидеть мне разрешили по 2–3 минуты в день. Доктор сказал, что это очень большая нагрузка на позвоночник.

– И что, даже если ей воткнуть иглу в ногу, она не почувствует?

– Нина, перестань нас донимать идиотскими вопросами. – Мама, папа и моя сестра, вновь меня навестили. – Мы привезли тебе фрукты, а еще я испекла твой любимый тыквенный пирог. Да, и я тут захватила с собой новые журналы и пару книг, чтобы тебе не было скучно.

Мама стоит около меня с шуршащим белым пакетом в руках, смотрит в мои глаза и ждет, когда же я скажу хоть одно коротенькое словечко.

– Еще мы купили вот что. – Папа встает со стула, открывает дверь палаты, и в следующее мгновение я слышу скрип колес инвалидной коляски. – Сказали, что она самая лучшая, удобная.

Я отворачиваюсь. С трудом сглатываю ком в горле.

– Вирджиния… – слышу я голос мамы. – Господи, ну скажи ты хоть что-нибудь.

– Рэйчел, не мучай ее. Она скажет тогда, когда будет готова.

Мама подходит ко мне, целует в лоб. В нос ударяет приятный запах ее любимых духов.

– Мы заедем к тебе завтра.

Родители и Нина покидают мою палату. Я снова посмотрела на коляску, внутри меня что-то затряслось, веки наполнились слезами. Меня обдало жаром, как только я представила, что всю оставшуюся жизнь я проведу сидя в инвалидном кресле.

Оливия все-таки заставила меня «выйти» на улицу. Она взялась за поручни моего кресла и уверенно покатила меня к лифту. За все время, проведенное в больнице, я ни разу не «выходила» из своей палаты. Во-первых, я не хотела видеть таких же несчастных пациентов, как я, видеть таких же поникших духом их родственников.

Во-вторых, я никак не могла себя заставить сесть в инвалидное кресло. Сесть в него – значит смириться со своим приговором. Смириться со своей жалкой жизнью, с тем, что теперь я узник своего собственного тела. Но Николас мне чуть ли не приказным тоном, в присутствии Лив, сказал, чтобы я немедленно начала хоть немного двигаться. На моей нежной коже начали появляться пролежни, спастика мышц становилась все отчетливее. Несмотря на все уговоры, я снова закатила истерику и сказала, что мне наплевать на появившиеся пролежни, пусть даже моя кожа будет целыми пластами разлагаться, а мышцы до кондиции одеревенеют, но я ни за что не сяду в кресло. Ни. За. Что. Лив пропустила мои слова мимо ушей и приказала доктору насильно взять меня на руки и посадить в кресло.

Каждый скрип колес кресла откликался неописуемой болью внутри меня. Меня, словно огромной океанической волной, накрывало этой болью. Я сравниваю инвалидов-колясочников с несчастными обездоленными жучками, которые случайно перевернулись на спину и не могут вернуться в привычное положение. Эти жучки всегда вызывали во мне жалость. Кстати о жалости. Теперь я понимаю, что жалость – это самое отвратительное чувство, которое есть на свете. Еще хуже испытывать жалость к самому себе, что я сейчас и делаю. Вот совсем недавно я, Вирджиния Абрамс, ни о чем другом не думала, кроме как о своем парне, университете и возможных новых знакомствах. Это так страшно, когда твоя жизнь в одночасье разворачивается на 180 градусов. Но еще страшнее, когда обстоятельства гораздо сильнее тебя и тебе ничего другого не остается, как смириться или продолжать бороться, как тот маленький жучок.

– Классная погода, – говорит Лив.

– Да…

И действительно. Для Миннесоты эта погода очень странная. Яркое, палящее солнце, согретый светилом ветер нежно ударяет в лицо. Я никогда не была во дворе больницы, лишь из окна своей палаты, которая стала для меня вторым домом, я слышала разговоры пациентов, смех, шелестение зеленой листвы и

далекий шум проезжающих мимо машин. Во дворе довольно мило, разнообразные фонтанчики, множество клумб с яркими цветами, источающими одурманивающий аромат. А еще здесь очень много деревьев с величественными кронами. Пока мы гуляли с Лив, я насчитала восемь гнезд неизвестных мне птиц. Весь этот двор похож на маленький рай для бедных пациентов. Тут же прослеживается такой грубый контраст: во дворе все хорошо, все смеются, наслаждаются общением с родственниками, а в темном, расположенном рядом здании, в операционной, лежит больной, или же в какой-нибудь палате мучительно умирает пациент, крепко сжимая ладонь родного человека. Вот она, тонкая, едва заметная грань между жизнью и смертью.

– Слушай, ты ведь уже больше месяца в этой больнице. Неужели они не могут тебя отпустить домой?

– Каждый день я просыпаюсь с этим вопросом, и каждый день я не нахожу на него ответа.

– С ума сойти. – Немного помолчав, Лив снова задает мне вопрос, – А Скотт навещал тебя?

– Нет.

За все это время я ни разу не подумала о Скотте. В моей голове лишь были мысли о том, как я буду продолжать свое существование и вообще смогу ли я так жить. Существовать.

– Вот урод! Ну как можно быть таким?! Ты ведь для него не чужой человек, неужели так трудно прийти и узнать, как ты себя чувствуешь?

– Лив, пожалуйста, не надо. Он стал для меня чужим, и я сама не хочу его видеть.

– Прости.

На этот раз наше молчание затянулось. Лив катит мою коляску по узенькой дорожке, я вновь рассматриваю деревья и ищу гнезда.

– Кстати, я завтра уезжаю.

– Что? – Я сделала вид, будто не расслышала Оливию, но на самом деле я услышала ее фразу и ее слова заставили мое сердце биться, как после введения адреналина.

– Уезжаю в Чикаго. Рейс в половине первого.

Как я уже отметила, Лив единственный человек, который лишний раз не напоминает о моем диагнозе. Общаясь с ней, я снова, пусть и на жалкие минуты, возвращаюсь на месяц назад, когда я была обычной девчонкой, с обычными девчоночьими мыслями. Потерять Лив, значит, потерять эту маленькую ниточку, которая связывает меня с моей прошлой, счастливой жизнью.

Лив останавливает коляску, подходит ко мне и садится на корточки, взяв меня за руку.

– Я очень рада за тебя, – говорю я, чувствуя, что вот-вот расплачусь.

– Джина, если хочешь, я откажусь от этой поездки и останусь с тобой.

– С ума сошла? Упускать такой шанс из-за жалкой инвалидки? Ну уж нет.

– Ты не жалкая инвалидка, слышишь? – Я замечаю, как у Лив заблестели глаза от слез.

– Я не смогу тебя проводить.

– Понимаю. Я буду звонить тебе по скайпу, обещаю.

Мне крепко обнимаемся. Я дышу ей в шею и чувствую, как и у меня полились слезы.

– Я верю, что у тебя все получится.

Мама с папой приходили ко мне каждый день и рассказывали какие-то глупые истории, например, как у нашего соседа Дилана родила собака или как сотрудница папы вышла на днях замуж. Хотя я вообще понятия не имею, что это за сотрудница. Всю неделю меня то и дело возили на какие-то анализы, делали магнитно-резонансную томографию головного мозга и выявили посттравматическую энцефалопатию. Из-за этого в мой каждодневный рацион препаратов добавились новые, после приема которых меня не раз тошнило и схватывало живот. Я чувствовала себя лет на двадцать постаревшей. От всех капельниц, побочных эффектов, удручающих разговоров медсестер меня спасало чтение книг. Мама принесла чуть ли не всю нашу домашнюю библиотеку, за что я ей очень благодарна. Я снова не выходила на улицу и целыми днями читала книги, которые стали для меня своеобразным антидепрессантом и обезболивающим. Также сидя в пустой палате в полном одиночестве, я размышляла о том, какой же наш человеческий организм хрупкий. Сегодня ты полон сил и энергии, можешь делать все, что угодно, и ни от кого не зависеть, а завтра из-за какой-то роковой травмы ты превратишься в овощ, в обузу для своих близких. В первые дни мне казалось, что мой организм особенный, не такой, как все, и что врачи ошибаются. Я надеялась, как полная идиотка, что где-то там что-то там срастется, восстановится и я снова вернусь к нормальной жизни. Я думаю, такие мысли посещают каждого человека.

Неожиданно дверь палаты открывается и заходит Николас.

– Вирджиния, – говорит он, приближаясь к моей кровати.

– Здравствуйте.

– Как себя чувствуешь?

– Стабильно.

– Я принес тебе отличную новость. Через два дня ты отправляешься домой.

Я думала, что сейчас взлечу от радости. Как же я мечтала о выписке, о том чтобы снова увидеть стены родного дома. Это была действительно отличная новость.

– Серьезно? – спрашиваю я, расплываясь в улыбке.

– Да, мы тебя и так достаточно здесь продержали, я представляю, как тебе надоели эти белые стены и противный запах, меня уже и самого это раздражает. Раз в неделю к тебе домой будет приезжать медсестра и ставить уколы, которые необходимы для твоих мышц и костей.

Я замечаю в руках Николаса какую-то черную непонятную вещь.

– Что это?

– Это корсет. Твоему позвоночнику сейчас нужна помощь, нужно уменьшить на него нагрузку, поэтому по шесть часов в день ты обязана носить этот корсет.

Я приподнимаю больничную рубашку, Николас надевает на меня корсет, и тут я понимаю, что мои мучения еще не закончились. Корсет так сильно сдавил мою грудную клетку, что стало трудно дышать, мне казалось, что вот-вот треснут мои ребра. Но плюс в этом корсете действительно был. Теперь я могла делать более резкие движения, активно приподниматься и снова возвращаться в положение лежа.

Глава 2

Пока доктор Николас Халлиган подписывал бумаги для выписки и родители внимательно слушали его рекомендации по моему уходу, я листала разнообразные буклеты, хаотично разбросанные на журнальном столике, и наткнулась на одну интересную статью об инвалидах. Оказывается, после того, как лечащий врач вам провозглашает ваш «приговор», а иначе диагноз, наступают четыре стадии. 1-я стадия – СТРАХ. Я помню, когда месяц назад Николас объявил о том, что у меня параплегия или парапарез нижних конечностей, я испытала самый настоящий страх. Страх перед неизбежностью, который обволакивает твое нутро и полностью подчиняет тебя себе. 2-я стадия – БОРЬБА. Наступает такой период, когда тебе кажется, что все врачи полные идиоты, чему их только учат в их университетах. Надеясь на врачебную ошибку, ты пытаешься настроиться на своеобразную борьбу со своим же организмом, но когда понимаешь, что ты абсолютно бессилен, наступает 3-я стадия – ОТЧАЯНИЕ. Именно на этой стадии опускаются руки и пропадает стимул к жизни, который

наблюдается у всех здоровых людей. Именно тогда твой мир делится на «Они» – здоровые люди и «Я» – человек-геморрой для врачей и родственников. Затем, если повезет, наступает последняя, 4-я стадия – СМИРЕНИЕ. Когда ты просто взял и смирился со своим приговором и начинаешь заново жить. Существовать.

В моем случае все эти четыре стадии переплелись, мне и страшно, и одновременно я хочу бороться, хотя понимаю, что это бессмысленно, и, в конце концов, осознаю, что нужно продолжать жить.

– Так, подпишите еще вот здесь и можете быть свободны, – говорит Николас.

– Доктор Халлиган, спасибо вам большое, я даже не знаю, как вас отблагодарить, – говорит мама с искренней улыбкой.

– Улыбки моих пациентов и их родственников – самая лучшая благодарность для меня.

Наконец, мы покидаем стены ненавистной мне больницы, и навстречу ко мне бежит Нина.

– Вирджиния! – Нина подбегает ко мне и обнимает своими ручонками.

– Привет. – Я обнимаю ее в ответ.

Папа берет меня на руки и сажает на заднее сиденье машины, мама тем временем складывает мою коляску в багажник, они действуют так умело, будто всю жизнь имели дочку-инвалида. К машине подходит Николас.

– Ну что ж, надеюсь, ты больше никогда не попадешь ко мне. – Доктор улыбается. – И помни, Вирджиния, у тебя начинается новая жизнь, и я уверен, что ты справишься со всеми предстоящими трудностями.

– Спасибо.

Через несколько минут мы трогаемся с места. Папа за рулем, мама рядом с ним, а мы с Ниной на заднем сиденье. Все это время моя сестра меня внимательно рассматривает, мне даже становится неловко от ее взгляда.

– Ты до сих пор не можешь ходить? – спрашивает Нина.

– Да.

– А когда сможешь?

– Нина! – буркнула мама.

– Все в порядке, мам. Теперь колеса моего инвалидного кресла заменят мне мои ноги, – отвечаю я с горечью.

– Значит, мне придется перерисовать мой рисунок. – Нина достает из своей маленькой розовой сумочки сложенный в несколько раз рисунок и дает мне его в руки.

На рисунке Нина, мама, папа и я, стою на своих ногах и улыбаюсь.

– Нет, не надо. Он замечательный.

– Так, давайте послушаем какую-нибудь веселенькую песню. Что у нас там по радио? – говорит мама.

Как же я рада снова оказаться дома. Не слышать больше быстрые шаги врачей за дверью, спешащие в чью-то палату. Плач родственников после того, как в соседних палатах кто-то умер. Скрипучий звук каталок, голос Николаса.

– Осторожно, – говорит мама, когда папа меня достает из машины и сажает в кресло.

– Соскучилась по дому? – спрашивает папа.

– Еще как.

– А как мы соскучились по тебе, ты даже не представляешь, как тоскливо проходить мимо твоей пустой комнаты, – говорит мама.

Мы заходим в дом. Я делаю глубокий вдох и наслаждаюсь запахом уюта.

– Отправишься в свою комнату? – спрашивает отец.

Я киваю. Он берет меня на руки.

– Так, Рэйчел, ты в курсе, что за время пребывания в больнице наша дочь превратилась в ходячий скелет?

Я смеюсь. К нам подходит мама, берет мою коляску и смотрит на меня.

– Да уж, будем откармливать.

Я крепко держусь за папу, когда мы подымаемся по лестнице, в нос ударяет запах крепкого табака. Мы заходим в комнату, папа аккуратно кладет меня на кровать. Мама заходит следом.

– Так, кресло мы поставим прямо у края кровати, чтобы ты сама, в случае чего, смогла в него сесть. Еще мы купили специальную рацию, если что-нибудь понадобится, говори в нее.

– А еще у нас есть для тебя подарок, – говорит папа.

– Так, это уже интересно.

Папа выходит из комнаты и спустя несколько секунд вновь заходит, держа в руках телевизор.

– Собственная плазма! – говорю я, не сдерживая своей радости.

– Теперь можешь смотреть телевизор, не выходя из комнаты, – говорит мама.

– Спасибо. Вы самые лучшие.

– Стараемся, – говорит папа.

Поцеловав меня в макушку, родители покидают мою комнату, предоставив мне необходимый покой, который назначил Николас.

Я погрузилась в сон всего на полчаса, а затем почувствовала, что мой мочевой пузырь вот-вот разорвется. Я не могу больше терпеть. В больнице все было гораздо проще, я нажимала кнопочку, медсестра клала под меня судно, и я справляла нужду. Но теперь я дома, и даже простой поход в туалет для меня превратился в настоящее испытание. Мне стыдно звать маму, чтоб та посадила меня на унитаз, как маленького ребенка, так что придется действовать самой. Я подтягиваю свои безжизненные ноги к краю кровати, еле-еле сажусь в кресло и начинаю ликовать, потому что прежде я еще никогда самостоятельно не садилась в него. Я подъезжаю к ванной комнате, открываю дверь и вижу, что родители купили специальное туалет-кресло для инвалидов. Я закрываю дверь, расстегиваю джинсы, снимаю их и белье, приподнимаю свое тело и сажусь на туалет-кресло. Все не так уж и плохо. Раз у меня с первого раза получилось быть хоть немного самостоятельной, значит, в дальнейшем я смогу сама о себе заботиться, сняв обязанности со своих родителей. Справив нужду, я надеваю джинсы, многократно ерзая и поломав пару ногтей. Теперь нужно всего лишь пересесть в свое кресло.

Но на этом этапе меня в буквальном смысле заклинило. Я сижу, не могу пошевелиться из-за тупой ноющей боли в голове, у меня началось жуткое головокружение, чувствую, что я теряю ориентацию в пространстве, но все-таки заставляю нижнюю часть тела подчиниться господствующей верхней, приподнимаюсь, дотягиваюсь одной рукой до кресла, но случайно отодвигаю его, головокружение продолжается, я ничего не соображаю пару мгновений, но затем я чувствую, как падаю на пол, оказываюсь на боку, туалет-кресло переворачивается, и все содержимое судна выливается на меня. Я начинаю кричать и реветь одновременно. От одной мысли, что я, взрослая девушка, не могу самостоятельно сходить в туалет, мне становится еще хуже. Мне казалось, что я смогу справиться, я правда надеялась на это, но теперь, лежа на полу в собственной моче, и не способная встать, я жалею, что не погибла в той аварии. Лучше бы я умерла, чем вот так существовать.

Мама с папой вбегают в ванную. Папа поднимает и сажает меня в кресло, снимает мокрую одежду и бросает в стирку. Мама вытирает пол и возвращает

туалет-кресло в прежнее положение. Родители все это делают с такими невозмутимыми лицами, будто заранее знали, что все так будет.

– Почему ты упала? – спрашивает папа, вытирая мое тело мокрым полотенцем.

– Голова закружилась, – говорю я, все еще трясясь от истерики.

Когда я оказалась в своей постели, я уже успокоилась. Хотя, скорее, я притворялась, что спокойна, внутри меня все еще что-то происходило, какое-то непонятное чувство, овладевшее мной с такой силой, что аж живот начало схватывать. Наверное такое чувство испытывает человек, ощущая себя полнейшим ничтожеством.

Мама заходит в комнату.

– Я позвонила доктору Халлигану, он сказал, что головокружение вызвано энцефалопатией. Завтра к нам приедет медсестра.

– Прости меня.

– За что?

– За все это. За то, что ты, молодая, красивая женщина, обречена возиться с инвалидом.

– Ну что ты говоришь, Вирджиния?!

– Я не хочу так жить, мам.

– О, Господи. Если бы ты знала, как же больно слышать такие слова из уст родной дочери. Вирджиния, вспомни, что сказал Халлиган. Ты должна продолжать жить, инвалидность – это не приговор. Мы – твои родители, мы будем рядом с тобой всегда. Мы справимся. – Сделав минутную паузу, мама продолжает. – Я люблю тебя, Вирджиния, и если бы ты погибла в той аварии, я бы легла с тобой вместе в могилу, потому что я не смогу без тебя. Так что, я умоляю тебя, выброси все эти дурные мысли из головы, понятно?

Весь вечер я провела сидя в Интернете – на мой e-mail пришла куча писем от одноклассников и знакомых, с пожеланиями о скорейшем выздоровлении. Ну и, конечно, не обошлось без знакомой мне теперь фразы: «Сочувствую, держись». Мой скайп завопил, оказалось, это был долгожданный звонок от Лив.

– Привет!

– Привет, как ты? – спрашиваю я, разглядывая нечеткое изображение лица Лив на экране.

– Отлично. Тебя уже выписали?

– Да, первый день дома.

– Круто, наконец-то. Кстати, познакомься, это Клэр. – Лив двигает камеру, и на экране моего ноутбука появляется изображение полноватой девушки с красными волосами и кольцом в носу. – Мы с ней познакомились в самолете и она предложила пожить у нее в квартире.

– Здорово.

– Привет, Лив мне рассказала про трагедию, что с тобой случилась. Сочувствую.

– Спасибо.

– Джина, давай я тебе завтра перезвоню, а то тут пришли друзья Клэр и у нас тут что-то типа небольшой вечеринки?

– Ладно… пока. – Я фальшиво улыбнулась и закрыла крышку ноутбука.

Теперь во мне поселилось новое чувство. С одной стороны, я рада за Лив. Но с другой, я ей жутко завидовала. Я знаю, это паршиво завидовать своей лучшей подруге, но, черт возьми, я тоже хочу куда-нибудь поехать, я тоже хочу жить нормальной жизнью, познакомиться с новыми людьми, повеселиться на вечеринке… но достаточно посмотреть на мои ноги-бревна или же на стоящую рядом инвалидную коляску, как снова хочется закрыть лицо ладонями и

зареветь в голос. Теперь, ясное дело, я уже не нужна Лив, потому что у нее появились новые друзья, а возиться с подругой-инвалидкой как-то не круто. И обидно и горько, пусть это и выглядит весьма эгоистично.

В комнату заходит мама.

– Так, пора спать. – Она берет ноутбук и кладет на стол.

Наконец, наступило время снять ужасно неудобный корсет, который, казалось, уже врос в мое тело. Сняв корсет, мама ужаснулась. На спине и на животе было несколько крупных ужасно болезненных мозолей, некоторые из которых кровили.

– Сейчас принесу мазь. – Через несколько минут мама возвращается с тубой противно пахнущей мази.

– Чем займемся завтра?

– Не знаю.

– Значит, я сама что-нибудь придумаю, – говорит мама, вытирая руки о салфетку.

Затем она приближается к моему лицу и дотрагивается влажными губами до моего лба.

– Спокойной ночи.

Но ночь у меня была отнюдь не спокойная. Бессонница была очередным моим наказанием, а головная боль и боль в позвоночнике ей сопутствовали. Из-за неожиданных болевых схваток я так крепко сжимала краешек подушки, что чуть не порвала ее. Смогла уснуть лишь под утро, когда лучи еще не проснувшегося солнца коснулись моей кровати.

Мама и впрямь решила меня откормить, поэтому завтрак был настолько плотным, что у меня аж живот заболел с непривычки. В больнице едой особо не баловали. После обеда к нам приехала медсестра. Она ощупывала мой позвоночник, смотрела мои зрачки и проверяла моторику пальцев рук.

– Как часто случаются головокружения?

– Раз, может, два раза в день.

– Бессонница беспокоит?

– Да.

– Выраженные симптомы энцефалопатии. Значит, будем продолжать колоть диуретики и ноотропы, совместно с цераксоном и глиатилином, а потом сделаем повторную МРТ.

Мне ни о чем не говорили названия этих препаратов, ясно было лишь, что меня в очередной раз посетит тошнота после инъекций. Бедный мой организм, сколько же гадости в него вливают.

Медсестра сделала мне несколько уколов, собрала все привезенные с собой медикаменты и пообещала приехать на следующей неделе.

– Завтра кастинг, я так волнуюсь, – говорит Лив.

– Лив, не накручивай себя, а то будет только хуже.

– Знаю. Мне так нравится в Чикаго, если бы ты знала, как здесь хорошо. Я не хочу возвращаться в Миннеаполис.

– Не думай об этом. Ты лучше расскажи о своих планах на вечер.

– Вечером мы с Клэр идем по магазинам, а потом в кино. Она такая классная.

– Лучше меня?

– Нет. Ты вне конкуренции. Просто Клэр такая приветливая, я, честно, боялась заблудиться в чужом городе, но теперь, благодаря Клэр, мне больше не страшно.

– Вирджиния… – слышу я голос мамы.

– Лив, мне пора, я потом перезвоню.

– Хорошо, давай.

Дверь комнаты открывается.

– Вирджиния, к тебе пришли.

– Кто?

Через несколько секунд на пороге появляется Скотт.

– Привет, – говорит он.

– Я оставлю вас наедине.

Мама выходит из комнаты. Скотт стоит как затравленный щенок у двери. Казалось бы, он мой первый парень, первая любовь, и даже несмотря на то, что мы расстались, у меня еще должны остаться к нему чувства, ведь любовь не проходит бесследно. Но что-то со мной произошло. То ли авария на меня так подействовала и мне побоку на дела сердечные, ибо у меня появились более серьезные проблемы, либо… я его и не любила вовсе, а у меня просто была сильная привязанность.

– Привет, – говорю я резким тоном.

Он присаживается на край кровати.

– Я там принес фрукты разные, мама твоя оставила их на кухне, – говорит Скотт дрожащим голосом, постоянно ломая пальцы из-за волнения.

– Спасибо.

– Я… блин, Джина, я даже не знаю, что сказать.

– Ладно, тогда скажу я. Ты пришел сюда, потому что тебя, скорее всего, замучила совесть. Еще бы, ты за целый месяц не удосужился позвонить или навестить меня в больнице. Но ты все-таки набрался смелости и пришел ко мне, хотя даже в глаза мне посмотреть боишься, потому что ты жалкий трус.

– Да, я виноват перед тобой.

– Скотт…

– Виноват! И я не знаю, что нужно сделать, чтобы ты меня простила.

– Скотт, я даже и не думала о тебе. Ты мне не нужен так же, как и я тебе не нужна. Посмотри на меня, Скотт, посмотри и запомни, какая я теперь. И ты, наверное, только рад, что бросил меня до этого, потому что потом было бы это сделать гораздо сложнее, не правда ли?

– Я… просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь.

– Я прекрасно себя чувствую, Скотт. Я всего лишь стала инвалидом на всю оставшуюся жизнь, а так у меня все чудесно, чудесней некуда! А теперь пошел вон. Пошел вон!

Скотт вылетел из моей комнаты, так и не посмотрев мне в глаза. У меня вновь началась истерика, я ревела и добивала себя мыслью, что из-за этого подонка я угробила свою жизнь. Господи, где были мои мозги в ту ночь?!

Мама забегает в комнату.

– Что случилось?

– Ничего, мам, ничего.

– Вы поссорились? Он тебя бросил?

– Мама, оставь меня одну.

– Вирджиния, я должна знать.

– Мама, прошу, оставь меня одну! – Увидев окончательно поникший взгляд моей несчастной матери, я чувствую, что перешла черту.

Всю дальнейшую неделю я редко выходила из комнаты, ну как выходила, просила по рации папу спустить меня на первый этаж, чтобы позавтракать, пообедать или отужинать с семьей. Я плотно закрыла окна, чтобы ни единый звук с улицы не доносился до меня. Я вновь погрузилась в чтение книг и так увлекалась сопереживанием героям, что даже забывала о своем диагнозе, что меня очень радовало. Изредка мы созванивались с Лив, та рассказала, что прошла первый тур кастинга и готовит танец для финала. Я была жутко рада за нее, хотя в глубине моей души снова появлялись нотки зависти. Ненавижу себя за это.

Также я убивала время просмотром телевизора, но меня так раздражали люди, которые появлялись на экране, что я решила заниматься лишь чтением книг и полностью абстрагироваться от внешнего мира. По ночам меня снова беспокоила бессонница, а если мне и удавалось заснуть, то мне снился Скотт со своей подружкой или же снилась авария, я во сне даже чувствовала запах бензина, слышала гул автомобилей и крики людей, которые меня окружили. Я резко просыпалась, тяжело дыша, по моему лбу скользили капельки холодного пота. Под утро мое сознание автоматически отключалось, и просыпалась я лишь к полудню. Когда родители заходили ко мне в комнату, я мастерски прикидывалась спящей, лишь бы не разговаривать с ними. Меня раздражало каждое проявление жизни за пределами моей комнаты, когда я слышала разговоры каких-то людей, я даже прятала голову под подушкой. С каждым днем мне становилось все страшнее и страшнее от того, что со мной происходит. Я медленно превращаюсь в живой труп, на моем теле вновь появились пролежни, из-за которых двигаться было еще сложнее.

Но наступил день, когда терпение моих родителей оказалось на исходе. Мама с папой ворвались в мою комнату.

– Вирджиния, мы едем в торговый центр, – говорит мама уверенным тоном.

– Я никуда не поеду.

– А тебя никто и не спрашивает. Ричард.

Папа подходит ко мне и берет на руки.

– Вы не имеете права распоряжаться мною!

– Еще как имеем, – говорит отец, улыбаясь.

– Отпусти! Отпусти меня, немедленно!

Мои слова прошли мимо его ушей. Папа с мамой вывезли меня из дома.

– Ты, наверное, уже и забыла, что такое улица, – сказала мама, а я ей лишь недовольно фыркнула в ответ. – Нина, давай быстрее.

Папа попрощался с нами и поехал по делам. Я чувствовала себя так неловко вне дома. Стены моей комнаты были моей защитой от внешнего мира, который я уже всем своим нутром возненавидела.

Дождавшись Нину, мы втроем отправились в торговый центр. Нина шла впереди нас, а мама медленно катила мою коляску – ближайший торговый центр находится в пятнадцати минутах ходьбы, но мама решила растянуть «удовольствие» еще минут на двадцать, чтобы, как она говорит, я «пропиталась» свежим уличным воздухом. По пути в торговый центр я встретила троих своих бывших одноклассников, которые посмотрели на меня с таким жалостливым видом, что меня чуть не вырвало прям на них. Этого я и боялась. ЖАЛОСТЬ. Хочешь окончательно добить человека? Пожалей его, и он окончательно поймет, что его жизнь превратилась в дерьмо. Иначе и не скажешь. Добравшись до торгового центра, мы заглянули в небольшую кафешку, находящуюся на первом этаже, заказали три пирожных и латте. Когда мы только стояли у дверей кафе, я молила, чтобы там было от силы человека два-три, но, к моему великому сожалению, кафе было полностью заполнено, и мы еле-еле нашли себе столик. Естественно, каждый присутствующий обратил свой взор на меня, они же никогда не видели инвалидов-колясочников! Я с омерзением посмотрела на каждого из посетителей кафе. Позже мама рассказала, что о моей аварии напечатали в нескольких газетах, потому что во всех школах Миннеаполиса проходил выпускной вечер, и я всем омрачила праздник.

Я быстро уплела шоколадное пирожное с банановой начинкой, а мама с Ниной все еще не могли никак расправиться с содержимым своих тарелок. Пока я ждала маму и младшую сестру, я обратила внимание на сидящую перед нами сладкую парочку. Мускулистый парень с волосами цвета пшеницы нежно обнимал свою тощую девушку с выпирающими ключицами и смотрел ей в глаза, а она, застенчиво улыбаясь, чмокнула его в щеку. Знакомое чувство зависти вновь окатило меня. Я подумала: кому я теперь нужна, кроме своих родителей? Никому. Жить с инвалидом – дело не из легких, возложить на себя тяжкие обязанности, забыть про самого себя и посвятить свою жизнь перетаскиванию недочеловека на руках и подтиранию задницы. Внутри меня буйствовала обида. Неужели я обречена всю жизнь жить с родителями? Неужели я никогда не услышу искреннее: «Я тебя люблю»? Никто ничего, кроме жалости, больше ко мне не испытает.

Как только я почувствовала, что вот-вот разрыдаюсь у всех на виду, мама и Нина вышли из-за стола, и мы все вместе направились к выходу.

Я попросила маму, чтобы она меня отвезла в книжный отдел. Пока мама отправилась искать для себя новые женские романчики, я нашла стенд с книгами о животных и птицах. Я наугад взяла две книги об орнитологии. Не знаю почему, но в последнее время я, можно сказать, помешалась на птицах. Мне хотелось побольше о них узнать, например, какая птица самая большая на планете, чем она питается, как строят гнезда ласточки, какой размер у птенца колибри. Мне кажется, я схожу с ума, ибо раньше я никогда не увлекалась ни животными, ни птицами, да и вообще позвоночными в целом.

Мама была удивлена моему выбору, ведь раньше я покупала себе различные подростковые романчики, из которых извлечь можно только одно: предохраняйся и люби родителей.

Когда мои силы были уже на исходе, я, мама и Нина отправились в фирменный магазин одежды. До инвалидности мы с Лив обожали ходить в этот магазин, затаривались кучей девчоночьих прибамбасов, которые потом висели годами в моем маленьком шкафчике для одежды. После аварии я стала сама не своя, теперь походы по магазинам стали мне чужды. От блеска страз на кофточках и дурацкой расслабляющей музыки, которая вечно играет в подобных модных магазинах, у меня разболелась голова. Я уже мечтала оказаться снова в своей постельке и не выходить из дома как минимум месяц.

– Мам, можно я куплю эти очки? – спросила Нина.

– Нина, у тебя уже десять штук очков, зачем тебе еще одни?

– Ну они такие красивые, – завыла Нина.

– Ладно, бери. – Нина убежала на кассу. – Вирджиния, а ты почему ничего не взяла?

– Не хочу.

– Ясно, тогда я тебе помогу… хотя я уже слабо разбираюсь в молодежной моде. Девушка! – Мама окликнула консультантку.

– Мам, не надо. – Я недовольно потерла лоб и тяжело вздохнула.

Молоденькая консультантка на высоченных шпильках вмиг оказалась около нас.

– Добрый день, чем могу помочь?

– Знаете, я хочу подобрать для своей дочери что-нибудь особенное. Вы мне не поможете?

– Разумеется, – приветливо улыбнулась девушка, – следуйте за мной.

Несколько минут консультантка выбирала мне одежду и, в конце концов, обнажив несколько вешалок, она отдала груду вещей маме.

– Какая красотища, ты обязана все это примерить.

Мы заходим в примерочную. Мама, не обращая внимания на мое скуксившееся лицо, начала снимать с меня одежду. Сначала мама надела на меня синие джинсы, которые из-за моей больной худобы оказались мне велики. Далее мы примерили несколько кофт, шорты, и последним на очереди было черное платье. Оно невероятно красивое: небольшое декольте, плотная, приятная на ощупь ткань, с бархатистым узором. Мама вывезла меня из примерочной, чтобы я

полюбовалась на себя при нормальном освещении. Платье отлично подчеркивало мою фигуру. Что мне в нем особенно нравилось, так это то, что оно скрывало все выпирающие кости, из-за которых я была похожа на маленького умирающего птенца. Странное сравнение, знаю. К зеркалу подошли две высокие девушки, я почему-то сразу обратила внимание на их длинные, прекрасные, накачанные ноги. Девушки, постоянно прикалываясь друг над другом, рассматривали свои платья. На одной было черное с крупным белым горошком, а на другой воздушное бледно-розовое. У меня что-то закололо внутри. Я себя почувствовала такой уродливой, сидя в этом проклятом кресле. Мама стояла в сторонке вместе с Ниной и умилялась, глядя на меня.

– Поехали отсюда, пожалуйста, – с нескрываемой злобой сказала я.

Обратно мы решили вернуться на автобусе – всего несколько остановок, и мы уже подъехали к дому. Мама попросила какого-то крупного мужчину помочь ей вынести меня из автобуса. Огромная толпа людей скопилась у двери, все ждали, когда же меня вызволят.

– Мама, когда мы уже зайдем?! – слышу я писклявый голос какого-то мальчишки.

– Сейчас, сынок, для начала мы должны пропустить инвалида.

ИНВАЛИДА. Что-то щелкнуло у меня в голове, чувствую, как ярость растет во мне с новой силой.

– Я не инвалид! – кричу я, – не инвалид, понятно?!

Я посмотрела в глаза матери, которой было жутко неудобно в этой ситуации, но мне все равно. Как только я оказалась на улице, я старалась крутить колеса коляски как можно быстрее, лишь бы больше не видеть никого из людей.

Наконец-то мы оказались дома. Я глубоко выдохнула, теперь осталось дождаться папу, чтобы он поднял меня в мою комнату. В мою крепость.

Мама кладет шуршащие пакеты с покупками на маленький диванчик в прихожей и присаживается.

– Любая другая девушка была рада, если бы родители тратили на нее столько денег.

– Я не просила тебя тратить на меня деньги, не забывай, что у тебя есть еще одна дочь.

– Я не забываю, я просто поражаюсь. Что мы с Ричардом делаем не так?

– Все. Вы пытаетесь окружить меня дурацкой заботой, заставить поверить, что моя жизнь не кончена и что лучшее меня ждет впереди.

– Отлично. То есть это мы виноваты во всем, что сейчас с тобой происходит?

– Отчасти. Вы меня не понимаете. Я не хочу, чтобы вы кружились надо мной сутки напролет, просто оставьте меня в покое, в моей комнате. Я не хочу выходить на улицу, видеть счастливых, здоровых людей. Не хочу.

– Мы тебя не понимаем, ясно. А ты… ты нас понимаешь, Вирджиния? Ты понимаешь, каково это – знать, что твой ребенок страдает, а ты ничем не можешь ему помочь?! Ты понимаешь, каково это – видеть, как в тебе постепенно угасает жизнь? Ты тоже не понимаешь нас!

– Мама, ты меня не слышишь! Я просто хочу, чтобы вы все оставили меня в покое, вот и все!

Наш разговор постепенно превращается в крик двух истеричных женщин.

Мама встает с диванчика, подходит к окну на кухне и медленно выдыхает.

– Ты нас мучаешь, Вирджиния.

– Я знаю, что я вас мучаю. Поэтому я и хочу, чтобы мы разделились с вами на два суверенных мира. Моя жизнь, она… остановилась. Единственное, о чем я молю, так это однажды не проснуться. Мне кажется, умереть во сне – это самая лучшая смерть.

– Замолчи! Замолчи, Вирджиния! Каждое твое слово для меня как ножевое ранение! Хорошо, если ты хочешь, чтоб мы оставили тебя в покое – будь по-твоему. Я просто не могу поверить, что моя дочь стала такой. Знаешь, сколько людей живут с таким диагнозом, как у тебя? И ничего! Они заводят семьи, живут счастливо, как обычные люди. И только ты зациклилась на этой чертовой коляске. Ты заставляешь страдать всех нас! Когда мы узнали, что ты попала в аварию, нас с Ричардом чуть не парализовало! – Из маминых глаз закапали одна за другой слезы, и мое сердце затрепетало от боли. – Во всем, что сейчас с тобой происходит, виновата только ты! В твоей крови обнаружили алкоголь, ты села за руль пьяная и прекрасно знала, чем это все может закончиться!

Неожиданно домой возвращается папа. Увидев красные заплаканные глаза мамы, он растерялся.

– Рэйчел, что случилось?

– Ничего. Отнеси ее в комнату.

Папа стоит с ошарашенным видом. Я опустила глаза, потому что уже в полной мере ощутила свою вину.

– Надеюсь, потом ты расскажешь, в чем дело?

– Нечего рассказывать, Ричард. Наша дочь законченная эгоистка. Вот и все.

Оказавшись в своей комнате, я поддалась эмоциям. Я зарылась поглубже в одеяло, чтобы не слышать голоса мамы и папы, а затем громкий мамин плач. Мне так стыдно за то, что я затеяла такой жуткий скандал. Я сама не понимаю, что со мной происходит. С каждым днем моя психика, мировоззрение меняются, и в этой ситуации безумно жаль людей, которые оказались рядом со мной. Я и не заметила, как крепко заснула, хотя крепкий сон для меня большая редкость. Проснулась спустя несколько часов из-за звука скайпа. Я вылезла из-под одеяла, взяла ноутбук, который лежал на полке около изголовья кровати. Мне звонит Лив. Я посмотрела на свое изображение в экране ноутбука: опухшие глаза, вялое лицо, растрепанные волосы. Нет, Лив хоть и моя подруга, но она не должна меня видеть в таком виде. Я закрываю ноут и решаю, что мне нужно срочно умыться. Я сажусь в кресло, доезжаю до ванной. Понимаю, что немного потерялась во

времени, оказалось, что сейчас уже где-то одиннадцать вечера и вся семья уже давно разошлась по спальням.

Наша ванная не предназначена для меня. Слишком высокая раковина затрудняла простой процесс чистки зубов, но я уже привыкла к этому. Когда я почистила зубы и еле-еле умылась, я заметила на краешке раковины лезвие. Сам Черт подтолкнул меня взять это лезвие, я несколько секунд рассматривала его, затем посмотрела на свои ноги и легким движением руки полоснула по ляжке. Ничего. Никаких ощущений, только струйка крови стремительно расползалась по ноге. Меня взбесило это бесчувствие. В меня словно кто-то вселился, и я с яростью начала делать новые порезы на ногах.

– Пожалуйста… пожалуйста, я хочу что-то почувствовать, пожалуйста…

Мои ноги превратились в настоящее кровавое месиво, но с каждым новым порезом мне казалось, что я близка к пробуждению чувств. Я вновь ошиблась. Дойдя до точки отчаяния, я с неугасимой злобой полоснула себе по вене на левой руке. Я получила долгожданную дозу боли – как же мне было приятно хоть что-то чувствовать. Но разум вернулся ко мне незамедлительно. Я вся была в крови, кафель в ванной тоже был весь капельках темной крови. Я закричала.

– Мама! Мама! Мамочка…

Все мое тело оцепенело от страха. Казалось бы, мне нечего уже терять, но мне безумно страшно было расставаться со своей жалкой жизнью.

– Что ты кричишь, Вирджиния? Надоело быть самостоятельной? – слышу я голос матери за дверью.

Затем дверь открывается, и мама видит меня, а вернее, то, что я с собой сделала.

– О, Господи! – кричит она.

У меня начала кружиться голова, и я чувствую, что вот-вот потеряю сознание.

Часть 2. Центр ненужных людей

Глава 3

В машине царит полная тишина. Молчание сковывает тело, но у меня язык не поворачивается, чтобы нарушить его. Да я и не знаю, что сказать. «Мам, пап, я случайно вскрыла вены, может, в кафешку съездим?» Как же глупо. Родители даже словечком не обмолвились со мной, не спросили, что заставило меня сделать такой поступок. Им все равно? Не думаю. Просто устали, и это очевидно.

Дорога от клиники до нашего дома кажется бесконечной. Я стараюсь как-то отвлечься, направить свои мысли в другое русло, но у меня плохо выходит. Думаю лишь о том, как мне заговорить с родителями, как мне смотреть им в глаза.

– Мам, мне нужно купить новый костюм для танцев, – говорит Нина.

Я выдыхаю с облегчением. Хоть кто-то разбавил эту звенящую тишину.

– Зачем?

– Как зачем? У меня скоро экзамен, ты что, забыла?!

Мама устало потирает лоб и закрывает глаза.

– … Экзамен. Прости, детка, я действительно забыла.

Мне становится еще больше не по себе. Из-за возни со мной мама совсем не уделяет время своей младшей дочери. Проглатываю огромный ком в горле.

Наконец, мы подъезжаем к дому. Я чувствую, как обстановка постепенно накаляется. Чувствую, как мама еле сдерживает себя, чтобы не высказать все, что накопилось у нее на душе.

Папа открывает дверцу машины, подкатывает ко мне кресло, тянет ко мне руки.

– Я сама, – говорю я и медленно перемещаю свое тело в кресло.

Папа смотрит на меня с восторгом и в то же время с удивлением.

Мы заходим в дом. Папа берет меня на руки и относит в комнату. Все происходит в таком глубоком спокойствии, будто мы вернулись из какой-то обычной семейной поездки, а не из клиники. Меня начинает это настораживать. Папа сажает меня на край кровати.

– Устала? – спрашивает он.

– Да нет.

Я поправляю бинтовую повязку, которая закрывает мой шрам, и вдруг замечаю, что в углу стоят два чемодана.

– А что это за сумки?

– Рэйчел!

Папа отходит от меня, я сижу в полном недоумении. В комнату заходит мама.

– Скажи ей, – говорит папа и выходит из помещения.

– О, Господи, ничего без меня сделать не может.

– Мам, в чем дело?

– Завтра мы с тобой улетаем в Делавэр.

– Какой еще Делавэр? Зачем?

– Я подумала, что нам нужно сменить обстановку, немного развеяться, отдохнуть. Там есть прекрасный городок Рехобот-бич. Океан, пляж, солнце. Нам

этого так не хватает.

– Ты серьезно? – спрашиваю я, расплываясь в улыбке.

– Да. Мы с Ричем решили устроить тебе небольшой сюрприз.

– А почему они с Ниной не едут?

– Рич не может оставить работу, а у Нины скоро экзамен, ты же знаешь, как она переживает.

– Значит, только ты и я?

– Только ты, я и океан.

– Я тебя обожаю. – Мы с мамой обнимаемся.

Наконец-то наступило то самое спокойствие, которое не давит на меня. С этой минуты я полностью погружена в мысли о предстоящей поездке. Как же хочется уже вдохнуть соленый морской воздух и погрузиться в объятия хмурого океана.

– Так, тебе нужно отдохнуть, твои вещи уже собраны, так что ложись и готовься к поездке.

Мама покидает мою комнату. Я продолжаю улыбаться. На минуту мне показалось, что я вновь вернулась на полтора месяца назад, когда я была здорова, когда на моих руках еще не было многочисленных мозолей от колес кресла и когда мое тело принадлежало мне. А затем я снова погружаюсь в период «после». Теперь я не смогу плавать, не смогу пройтись по горячему желтому песку. Все мои мысли сводятся к банальным радостям, которые обычный здоровый человек не замечает и воспринимает как должное. Вновь начинаю ненавидеть свое тело. Вновь хочу запереться в своей «крепости» и никого не видеть, не слышать.

– Я тебе звонила, а ты не отвечала, что-то случилось? – говорит Лив.

Я смотрю на ее изображение в ноутбуке, прошло всего несколько дней, но она сильно изменилась. Выглядит еще более уверенной, будто даже и не жила в захолустной Миннесоте.

– Да… я пропадала в клинике. Процедуры, обследования. Все как обычно.

Стараюсь не смотреть в камеру, чтобы Лив не увидела мои «бегающие» глаза. Глаза мои самые первые предатели, всегда выдают меня, когда я вру. Хотя это ложь лишь наполовину. Я ведь действительно была в клинике, несколько дней мой организм приводили в порядок. А то, что я сделала до этого, я решила не рассказывать Лив. Во-первых, не хочу, чтобы она за меня волновалась, а во-вторых, не хочу снова показаться слабой и жалкой.

– Понятно. Я уже волновалась.

– Завтра мы с мамой улетаем в Делавэр. Решили отдохнуть.

– Круто! Слушай, а может быть, ты ко мне как-нибудь в Чикаго заглянешь? Я уже так по тебе соскучилась.

– Обязательно, – говорю я, улыбаясь.

– Джина! Джина, просыпайся. – Нина прыгает по моей кровати. Мои веки устало приподнимаются, замечаю, что в комнате уже совсем светло.

– Сколько сейчас времени?

– Восемь тридцать. Мама сказала, чтобы я тебя разбудила, а то вы опоздаете на самолет.

Через несколько минут оказываюсь в ванной комнате. Снимаю повязку с руки. Кожу возле шрама противно стянуло, что мешает полноценно шевелить кистью.

– Вирджиния, давай быстрее, – говорит мама, заходя в ванную, затем обращает внимание на мой шрам. – Болит?

– Нет.

Мама подходит ко мне, садится на корточки и берет меня за руку.

– Вирджиния, давай постараемся забыть о том, что произошло здесь в тот вечер?

– … Да я уже почти забыла.

– Вот и отлично. – Мама пытается искренне улыбнуться, но я замечаю, как ей это трудно дается. Я чувствую, что, сама того не замечая, превращаю жизнь моих родителей в ад своими выходками, и даже если мама мне этого не говорит, то глаза ее выдают. Это у нас семейное.

В аэропорту все куда-то бегут, регистрируются, запаковывают чемоданы, прощаются с родственниками, завтракают в кафешках. Сплошная суматоха. Мама с папой о чем-то беседуют, а я и Нина наблюдаем за рыбками, которые находятся в огромном аквариуме.

– Как ты думаешь, я сдам экзамен? – спрашивает меня сестра.

– Конечно, ты зря волнуешься, ведь ты очень талантливая.

– Жалко, что ты не увидишь, как я выступаю.

– Ну почему же? Мы ведь с мамой уезжаем всего на неделю, а твой экзамен через две, я обязательно тебя поддержу.

– Вирджиния, нам пора.

Нина обвивает мою шею своими тощими ручками. Затем ко мне подходит папа.

– Ну… хорошо тебе отдохнуть, дочка.

– Пап, ты так смотришь на меня, будто мы расстаемся на год, а не на неделю, – смеюсь я и обнимаю отца.

Мы прибыли в аэропорт Филадельфии и, уже находясь на трапе самолета, я ощутила огромную разницу между климатом Миннеаполиса и этого городка. Воздух такой теплый, что я чувствую, как сжимаются мои легкие, привыкшие к прохладе Миннесоты. Солнце палит, никого не щадя.

Честно говоря, перелет меня вымотал, и я уже жду не дождусь, когда мы с мамой доберемся до нашего отеля. Но пока мы до сих пор находимся в аэропорту. У мамы неожиданно зазвонил телефон, и она оставила меня в зале для пассажиров. Здесь уже не такое огромное скопление людей, лишь несколько человек разместились на креслах, кто-то читает газету, а кто-то и вовсе спит. Я подъезжаю к одному из кресел и пересаживаюсь. Отталкиваю коляску от себя. Когда я вне своего кресла, я ощущаю себя такой же, как все.

Замечаю, как ко мне подходит какой-то парень.

– Привет. Не подскажешь, как добраться до центра города, а то я что-то не могу ни автобуса, ни такси найти. – Парень смущенно улыбается.

– Я не знаю. Сама только что прилетела. – Мы обмениваемся улыбками.

– А если не секрет, ты откуда?

– Из Миннесоты.

– Ух, я из Алабамы, но климат, мне кажется, здесь намного жестче.

– Да уж. – Я вновь улыбаюсь.

Наш разговор прерывает мама.

– За нами уже приехали. Так, а ты чего пересела? – Мама подкатывает ко мне коляску, парень удивленно смотрит на меня, затем его удивление сменяется полной растерянностью.

Я прячу глаза, пересаживаюсь в инвалидное кресло, снова возвратив себе ярлык «калеки».

– Эмм… удачи тебе. – Парень разворачивается и быстрым шагом удаляется от нас.

Я краснею, мне становится неловко, затем обидно, но потом я принимаю все как есть.

У аэропорта нас встречает водитель необычного такси. Оно предназначено для перевозки инвалидов-колясочников. С пандусом и специальными крепежными элементами для фиксации коляски.

– Добро пожаловать, – говорит водитель. – До Рехобот-бич ехать полтора часа, потерпите?

– Разумеется, – отвечает мама.

Сквозь солнечные лучи, которые пробиваются через стекла автомобиля, я стараюсь рассмотреть новый пейзаж. Мы едем по извилистой пыльной дороге, в нескольких метрах от нас находится обрыв, который прячет за собой золотой берег океана. Синяя вода под солнечными лучами, вдали виднеются небольшие белые гребешки маленьких игривых волн. Для меня, жителя серого неприветливого Миннеаполиса, это место кажется раем.

Вскоре автомобиль останавливается. Водитель помогает мне выбраться из салона. Мама хватается за поручни моего кресла и решительно везет меня к воротам какого-то здания. Странно, оно не похоже на обычный курортный отель. Я не замечаю поблизости туристов, да и вообще здесь так тихо, словно тут нет ни единой души.

– А куда мы приехали? – спрашиваю я маму.

– Скоро узнаешь. – Меня совсем не устроил ее ответ. Я не понимаю, что происходит.

Ворота открываются, и мы видим перед собой женщину с выцветшими красными волосами, забранными в пучок, на ней строгая белая блузка и серая юбка. На лице приветливая улыбка.

– Добрый день, добро пожаловать в наш реабилитационный центр. Меня зовут Роуз, я директор данного центра. Как добрались?

– Отлично, спасибо вам большое за предоставленный транспорт, – говорит мама.

А я в это время чувствую, как мое тело оцепенело.

– Реабилитационный центр? Какого черта?! – Не выдержав, я разворачиваюсь к матери и смотрю в ее потускневшие глаза.

– Вирджиния, я тебе сейчас все объясню.

– Да уж постарайся. – Меня бросает в жар.

– После твоей попытки самоубийства мы с Ричардом посоветовались с врачом, который наблюдал за тобой, и он нам сказал, что тебе необходимо наблюдение у специалистов.

– И поэтому ты решила обманом затащить меня сюда?!

– Ты бы не согласилась добровольно поехать. У меня не было другого выхода.

– Позвольте, я вмешаюсь в ваш разговор, – говорит Роуз. – Вирджиния, в нашем центре около пятисот пациентов, половина из которых такие же, как ты, инвалиды-колясочники. Здесь ты найдешь себе родственную душу, так скажем. А также тебе помогут наши опытные психотерапевты.

– Я не инвалид! И я не псих! Я не хотела совершать суицид, это получилось случайно. – Я чувствую, что мои нервы уже не выдерживают, веки наполняются слезами.

Мама не обращает внимания на мою начавшуюся истерику, снова берется за поручни, и мы остаемся за пределами ворот. Я осматриваюсь. Путь к зданию лежит через небольшой парк с невысокими деревцами и ухоженными газончиками. В нескольких метрах от нас находятся четыре пациента этого центра. Они сидят в инвалидных креслах, и на вид им не меньше семидесяти. Отвожу глаза в сторону и вижу, как около фонтана разместилась еще одна

группа таких же старичков. «Ненужные люди», – первое, что у меня проносится в голове. Их так же, как и меня, затащили сюда, и теперь вся их жизнь – это скудный парк и огромные ворота, прячущие их от нормальной жизни. У меня перехватывает дыхание.

– Мама, ты же обещала мне быть всегда со мною рядом… – По моим пылающим щекам потекли слезы.

– Послушай, мы с папой желаем тебе только добра. Мы хотели тебе помочь, но у нас это плохо получилось. – Мама берет меня за руку, но я резко отдергиваю ее.

– О, Господи, – закрываю лицо дрожащими руками. – Я ведь просто хотела, чтобы вы оставили меня в покое… Неужели я так много просила? Мама, я не хочу провести остаток своих дней рядом с этими убогими! – Я сказала это слишком громко и чувствую, как все присутствующие в парке обратили на меня внимание. – Увези меня отсюда.

Мама долго смотрит на меня. Я вижу, как ее глаза заблестели из-за слез.

– Нет.

Это короткое слово, состоящее из трех жалких букв, нанесло мне такую боль, словно мне в спину воткнули сотню кинжалов. Я медленно разворачиваюсь и покорно направляюсь к зданию.

Самое страшное – это лишиться поддержки близких людей. Когда твои родные просто-напросто устают от тебя и сдают тебя вот в такие вот «центры ненужных людей», полагая, что люди в белых халатах, с наигранным сочувствием помогут тебе.

Несколько минут мы проводим в кабинете Роуз. Пока мама подписывает какие-то бумаги, я сижу, устремив свой взгляд в неопределенную точку. В голове пустота. Мне не хочется ни о чем думать, ощущаю лишь где-то в глубине себя нарастающую боль, искры которой вот-вот превратятся в настоящий пожар.

Мама подходит ко мне.

– Мой рейс через три часа, нужно выдвигаться. – Мама смотрит на меня, улыбаясь, и говорит таким тоном, будто бы сейчас ничего не произошло и она меня не запихнула насильно в центр убогих людей.

– Удачной дороги, – с полным безразличием отвечаю я ей, не подымая глаз.

– Ну… может, обнимемся?

Меня начинает раздражать этот наигранный веселый тон. Я крепко сжимаю подлокотники своего кресла и на этот раз уже ничего ей не отвечаю.

Мама осторожно дотрагивается до моих плеч, как бы мне обидно и горько ни было, я стараюсь запомнить тепло ее нежных рук, ведь теперь уже неизвестно, когда мы встретимся. И встретимся ли вообще. Мама тяжело вздыхает и покидает кабинет. Мне так хочется ринуться за ней, догнать и обнять ее настолько крепко, насколько я смогу себе это позволить, но я останавливаю себя. Раньше сознание боролось с телом, теперь тело борется с упрямым сознанием.

– Я уверена, тебе понравится в нашем центре, – говорит Роуз.

В кабинет заходит полноватая чернокожая женщина.

– Знакомься, это Фелис. Она дежурная в твоем блоке, если тебе что-то понадобится, ты всегда можешь обратиться к ней.

Фелис своими мощными руками выкатывает мое кресло из кабинета и везет к лифту.

– Сколько тебе лет? – спрашивает она.

У нее довольно грубый голос и какой-то нелепый акцент. Я молчу, совершенно не хочется вести сейчас с кем-то беседы.

– Ох, сколько у меня было таких же молчунов, как ты. Меня уже ничем не удивить.

Заходим в лифт и через несколько секунд оказываемся на седьмом этаже. Едем по длинному коридору, тишина смешивается со скрипом колес моего кресла и тяжелыми шагами Фелис.

– А вот и твоя комната. – Фелис открывает дверь.

В нос ударяет запах новой мебели, смешанный с ароматом освежителя воздуха.

Комната довольно просторная, огромная кровать, небольшой шкаф, светлые обои, окно, спрятанное за легкими белыми шторами.

– Помочь тебе разобрать вещи?

Я мотаю головой, подъезжаю к кровати, перемещаю свое тело и сохраняю при этом такой вид, будто это мне не стоит никаких усилий, чтобы показать, что я не немощная, как все остальные в этом центре. Хотя на самом деле мои руки безумно ломит, будто я раз пятьдесят подтянулась на турнике.

– Я разбужу тебя к ужину. Если что-то понадобится, около твоей кровати есть красная кнопочка, нажми ее, и я буду здесь.

Фелис выходит из комнаты. И как только я остаюсь в полном одиночестве, даю волю своим эмоциям. Слезы текут ручьем, мои всхлипывания нарушают покой в комнате.

Я просыпаюсь из-за того, что начала играть какая-то древняя джазовая песня. Еле-еле открываю глаза, пытаюсь понять откуда она доносится, затем замечаю у двери что-то типа радиопередатчика. Внезапно в комнате появляется Фелис.

– Пора идти на ужин.

– Я не хочу.

– Что значит, не хочешь? Может, мне Роуз позвать?

– Зовите кого угодно.

Я недооценила свою черную надзирательницу, и буквально через пять минут в моей комнате оказывается директор центра.

– Вирджиния, когда к тебе обращаются люди, нужно хотя бы повернуться к ним лицом. – Я послушно переворачиваюсь на другой бок. – Почему ты не хочешь идти на ужин?

– Потому что у меня нет аппетита.

Я уже готовлюсь к тому, что Роуз прикажет Фелис взять меня на руки и насильно посадить в кресло.

– Ну что ж, мы не имеем права заставлять тебя делать что-то против твоей воли.

Роуз улыбается и выходит из комнаты. Фелис несколько секунд стоит в полном недоумении, а затем покидает помещение.

Глава 4

Я слышу крик. Сначала, мне кажется, что он мне снится, но затем открываю глаза и понимаю, что это происходит наяву. Крик превращается в жалобный стон, спросонья я никак не могу понять, кто его издает. В комнате темно, хотя за окном начинает светать. Я заставляю работать свое еще не проснувшееся тело. Сажусь в кресло, открываю дверь, оказываюсь в коридоре. Крик доносится из соседней комнаты. Медленно поворачиваю ручку двери, смотрю в щель и вижу, наконец, того, кто нарушил мой покой. Это худощавый парень с взъерошенными волосами, его длинные пальцы впились в матрац, взгляд устремлен в потолок. Он тяжело дышит и не перестает кричать.

– Эй, – говорю я, чувствуя, что мое сердце вот-вот вырвется из груди от страха. – Эй, ты чего?

Но парень не обращает на меня внимания. Я срываюсь с места и стараюсь как можно быстрее добраться до комнаты дежурной по блоку.

– Фелис! – кричу я. – Фелис!

Открываю дверь и вижу, как наша дежурная преспокойно спит на своем диванчике, закрыв лицо глянцевым журналом.

– Фелис!

Та, наконец, просыпается и с недовольным видом смотрит на меня.

– Что такое?

– Там человеку плохо.

Мы направляемся в комнату того парня. Фелис садится на край его кровати, берет его за руку, а другой рукой гладит по голове.

– Тихо, Филипп, все хорошо, успокойся.

Тот, словно в объятиях матери, вмиг успокаивается. Его дыхание становится ровным, мышцы расслабляются.

– Вот так. Молодец.

В отличие от остальных присутствующих я до сих пор нахожусь в шоке от увиденного.

– Что с ним?

– Ничего страшного, ему просто часто снятся кошмары. Знакомься, Фил, это твоя новая соседка.

Парень смотрит на меня, и я замечаю что-то странное в его взгляде, а затем обращаю внимание на все его тело, непропорционально длинные скрюченные

конечности, тремор рук. Церебральный паралич. Фил что-то пытается мне сказать, но у него получается лишь промычать.

– А можно мне поменять палату? Я не хочу каждое утро просыпаться из-за его воплей.

– Все одиночные комнаты уже заняты. Могу переместить в двухместную.

– Ладно, я обойдусь.

После инцидента, произошедшего ранним утром, я так и не смогла уснуть. По радиопередатчику снова заиграла мелодия. Я кладу подушку себе на голову, но она все равно меня не спасает от раздражающих звуков.

Обращаю внимание на телефон: 4 пропущенных вызова от мамы и ровно столько же от папы. С ними я вдвойне не хочу разговаривать.

В комнату заходит Фелис.

– Время завтрака.

Теперь я не сопротивляюсь. Во-первых, я действительно хочу есть, иначе мой желудок сам себя переварит, а во-вторых, какой смысл моего бунта? Вдруг меня и впрямь посчитают сумасшедшей и направят в место куда хуже этого.

Несколько минут мне требуется, чтобы умыться и расчесаться. Затем Фелис меня провожает в столовую, которая находится на первом этаже. Огромное помещение от края до края заполнено кучей калек, которые вяло передвигают колеса своих колясок от столика к столику.

Подъезжаю к мискам с едой, всюду какие-то салаты, отварные овощи, каши, желтые бульоны.

– А что это? – спрашиваю я повара и указываю на непонятную зеленую жижу.

– Пюре из шпината.

Да уж. Даже в клинике еда была нормальной, а здесь она вызывает не аппетит, а сильные рвотные позывы.

Наконец, я нахожу что-то более-менее съедобное: морковный сок и две булочки из кукурузной муки. В самом углу отыскиваю себе свободный столик, но, к моему большому сожалению, ко мне присоединяется дед. Ему повезло больше, чем мне, он может ходить, но только при помощи костылей и своей единственной ноги. Вторая ампутирована.

Покончив со своим завтраком, я пулей вылетаю из столовой, но путь мне перегораживает Фелис.

– Теперь тебе пора на час приветствия.

– Это еще что?

– Все наши пациенты разделены по определенным группам, и каждое утро после завтрака группы собираются и рассказывают, как они провели эту ночь, что им снилось. Все это проводится под руководством психотерапевта.

– Очень весело. Но я, пожалуй, пойду, посплю.

– Так, здесь за тобой бегать никто не собирается. – Фелис подходит ко мне, резко разворачивает мое кресло.

– Ты не имеешь права меня куда-то тащить! – кричу я.

– Хорошо, тогда для начала заглянем к Роуз. Уж она-то тебе мозги вправит.

Через несколько минут мы оказываемся в кабинете директора.

– Роуз, у меня скоро начнется истерика. Эта девчонка мне все мозги высосала. Может, отправим ее обратно в Миннесоту бандеролью?

Роуз просит Фелис оставить нас наедине.

– Ну и что мы будем с тобой делать?

Я молчу.

– Может быть скажешь что-нибудь? А то я не очень люблю вести монологи.

– Я хочу домой.

– Пока это невозможно. Договор составлен, ты должна пройти курс реабилитации.

– Я взрослый человек, почему я не могу сама распоряжаться своей жизнью?

– Потому что тебе еще нет восемнадцати и твои родители решили, что тебе здесь будет лучше. Скажи, что именно тебе не нравится в этом месте?

– Например, еда. Хотя это даже едой назвать невозможно, это настоящее дерьмо.

– Попрошу не сквернословить.

– Извините, но я не нахожу других слов, чтобы описать то, что вы подаете людям. Или вы забыли, что ваши пациенты – люди, а не парнокопытные, которым только травку подавай.

– В нашем центре подается только здоровая пища, и тебе придется с этим смириться. Вирджиния, я понимаю, что тебе сейчас нелегко, и я могу пойти тебе навстречу. Если ты в течение трех месяцев будешь вести себя спокойно и не нарушать наш устав, я сообщу твоим родителям, что ты пошла на поправку и тебе нет необходимости здесь находиться.

– Три месяца?

– По договору твой курс длится год.

У меня пересохло во рту. Родители меня отправили сюда на целый год. Год. Не могу прийти в себя после услышанного.

– …Я согласна.

– Вот и договорились. А теперь ты должна идти на час приветствия. И помни о нашем договоре.

Фелис меня сопровождает до какой-то деревянной резной двери, которая отличается от всех остальных, обычных.

– Ты уже опоздала на пятнадцать минут, войди без единого звука.

Я с трудом выполняю приказ моей надзирательницы, ибо из-за скрипа колес все обернулись и начали сверлить меня глазами. Затем, когда я выбрала себе местечко, стоящий в центре мужчина продолжил свою речь.

– Я плыву, вода оказывается жутко холодной, затем я оборачиваюсь и вижу в нескольких метрах от себя огромный плавник. Акула. Ныряю и сквозь толщу воды вижу, как она открывает свою пасть. Потом я просыпаюсь. Вот такой вот сон. А тебе что приснилось, Фил?

Мой сосед начинает мычать, а все присутствующие принимают такой вид, будто понимают все, что он пытается сказать. Я еле сдерживаю себя, чтобы не засмеяться, но затем на мгновение теряю контроль, и мой смешок эхом проносится по всему залу.

– Так, а кому это там весело? – Мужчина всматривается в зал, и я замечаю, что он смотрит мне прямо в глаза. – Новенькая? Отлично, прошу в центр, нужно познакомиться с группой.

Такое ощущение, что я вновь оказалась в младшей школе и учитель вызывает меня к доске, чтобы познакомить с одноклассниками. Как же все это глупо.

Я в центре рядом с наставником группы. Мельком пробегаюсь глазами по своим, так сказать, «одногруппникам». Здесь человек пятнадцать. В основном это дети лет десяти и старички, но среди них я нахожу одну молодую девушку и троих

парней, один из которых Фил.

– Представься нам.

– Меня зовут Джина Абрамс. Я здесь только второй день, но меня уже жутко тошнит от этого места. Спасибо за внимание.

– Джина, расскажи, что тебе сегодня снилось?

– Ничего. Мне ничего не снилось.

– Ну что ж, ничего страшного. А теперь мы все перемещаемся в парк делать утренние упражнения.

Мы размещаемся на небольшой асфальтированной площадке, окруженной тощими деревцами, чьи тени от незначительной кроны едва спасают нас от жарких солнечных лучей.

Следующие минут тридцать мы осваивали различные техники дыхания, делали повороты туловища, головы, а затем просто закрывали глаза, расслаблялись и слушали утреннюю тишину в парке. Во время зарядки я глаз не сводила с той самой молодой девушки и парней. Поскольку я здесь буду находиться три месяца, мне нужно начать с кем-то общаться, иначе я с ума сойду от одиночества.

Замечаю, как девушка во время медитации оглядывается по сторонам и медленно катит свою электрическую коляску за пределы площадки, а потом и вовсе скрывается за углом здания. Я не придумываю ничего умнее, чем отправиться за ней. Девушка сидит спиной ко мне и пытается зажечь сигарету.

– А я думала, что здесь запрещено курить, – решаюсь сказать я.

Девушка резко оборачивается, по ее виду можно сказать, что она не на шутку перепугалась.

– Скажем так, можно, но только мне. – Она улыбается, делает затяжку, а затем снова говорит: – Я Андреа, а ты Джина, так?

– Да.

Андреа мне чем-то напоминает Лив. Не внешностью, а характером. Дерзкая, независимая. Или же это просто маска, под которой она скрывает ту боль, что доставил ей ее диагноз. У нее черные короткие волосы, тонкие пряди нелепо торчат во все стороны. Глаза подведены черным, из-за чего ее взгляд кажется агрессивным.

Ее тело выглядит неестественно крохотным, сжатым, будто его сплющили по бокам. Рука, что держит сигарету, словно сделала из камня. Андреа подносит сигарету ко рту, и в этот момент она похожа на робота, потому что ее движения кажутся скованными, автоматичными, будто в нее встроено какое-то устройство, что управляет ею.

– Хоть какое-то разнообразие. Обычно к нам сюда привозят стариков да вечно орущих детей.

– А ты давно здесь?

– Почти пять лет.

– Пять?..

– Это так кажется, что много, но на самом деле время здесь бежит очень быстро, не успеешь оглянуться, как уже год прошел.

– А я здесь и месяца не выдержу.

– Почему? Тут не так плохо. Кормят, ухаживают, пылинки сдувают, что еще нужно?

– Наверное, ты просто забыла, что за этими воротами есть реальная жизнь, которая в тысячу раз интереснее.

– За этими воротами мир здоровых людей, а здесь наше место, с нашими правилами.

– А тебя, видно, эти правила не особо устраивают, раз ты сбегаешь ото всех?

Андреа смеется.

– Да, правила Роуз суровы, но к ним быстро привыкаешь.

– А вас выпускают за пределы центра?

Мы едем по коридору, Андреа показала мне, где здесь находятся библиотека, спортивный зал и интернет-кафе.

– Редко. Бывает, что мы с группой и наставником выбираемся в кино или театр, но это очень скучно, на самом деле.

– А в клуб или еще куда-нибудь?

– Ты что, смеешься? Если Роуз узнает об этом, она нас казнит. Ладно, мне нужно ехать в процедурную. Увидимся за ужином.

Добравшись до своей комнаты, я вновь проверяю пропущенные звонки: двенадцать от мамы, двенадцать от папы. Представляю, что они чувствуют сейчас, быть может, они даже винят себя за то, что меня сюда затащили. Долго думаю, перезванивать или нет, но в конечном итоге бросаю телефон на кровать, несколько минут роюсь в своей сумке и достаю одну из книг по орнитологии.

На улице душно, но здесь куда лучше, чем сидеть в пыльной комнате. Кружевная тень какого-то высокого стройного дерева скрывает меня от глаз посторонних. А я в то же время наблюдаю за пациентами, которые так же, как и я, решили отдохнуть от удручающей атмосферы внутри здания. Что меня в каждом из них зацепило, так это непринужденность, кажется, что они вовсе забыли про то, что относятся к числу инвалидов. Они смеются, разговаривают о политике, о растениях, о происшествиях на других континентах. Делают вид, будто находятся не в центре, где помогают обездоленным людям прийти в себя и заставляют жить дальше, а просто на курорте.

Затем, стараясь абстрагироваться от внешнего мира, я погружаюсь в чтение книги.

«Казуары – одни из самых опасных птиц на Земле. У них длинные и острые когти, которыми они могут запросто распороть живот. Также эти птицы отличаются невероятной силой. Переломить кость человеку для них не составляет особого труда. Казуары любят одиночество, и, несмотря на то что они довольно недружелюбные, эти птицы безумно красивые и необычные».

Что-то стукается о мою коляску. Я отвлекаюсь от чтения и замечаю, что у моих ног лежит баскетбольный мяч. Наклоняюсь, беру его в руки.

– Эй, не подашь мяч? – говорит мне светловолосый парень, направляясь ко мне. Он щурится и, не жалея рук, заставляет колеса своего кресла катиться быстрее.

Я кидаю ему мяч.

– Спасибо. А ты, случайно, не из моей группы?

– Кажется, да. Я Джина.

– Джина, точно. Я тебя еще запомнил, когда был час приветствия.

– Том, ты нашел наш мяч? – К нам подъезжает чернокожий парень, с гладко выбритой головой и массивными мускулистыми руками.

– Да. Смотри, это та самая новенькая, что теперь в нашей группе. Джина. Меня зовут Томас, а это Брис.

– Ты умеешь играть в баскетбол?

– Нет, к сожалению.

– Ну ладно, – говорит Брис. – Поехали, Том, мне нужно отыграться.

Около часа провожу в массажном кабинете. Мое тело, словно тесто, мяли холодные руки врача. Вначале он занимался лишь моим вялым позвоночником, затем перешел к ногам. Меня не покидала надежда, что из-за его манипуляций я вдруг начну что-то чувствовать. Хотя бы легкое прикосновение или боль, хоть что-нибудь. Но, увы, чуда не произошло.

– Твоя мать звонила Роуз, сказала, что она беспокоится, потому что ты не берешь трубку, – говорит Фелис.

– Я не собираюсь это с тобой обсуждать.

– Ладно, тогда поговоришь об этом со своим психотерапевтом.

Фелис подвозит меня к стеклянной двери кабинета, на которой висит золотая табличка «Доктор Э. Хэйз».

Я вхожу в кабинет, и в глаза мне сразу бросается огромное панорамное окно, из-за которого помещение такое светлое и приятное. Стены, выкрашенные в нежно-зеленый цвет, украшены разнообразными картинами неизвестных мне художников. В центре кабинета стоит стеклянный столик, по обеим сторонам которого находятся два диванчика, на одном из них сидит мой доктор. Я узнаю его, это тот самый мужчина, что вел час приветствия.

– Вирджиния Абрамс? Проходи.

Я подъезжаю к диванчику, пересаживаюсь.

– Меня зовут Эдриан Хэйз. Сегодня утром мы не смогли толком познакомиться.

Темные, почти черные волосы, легкая щетина, прищуренные карие глаза. На вид ему около тридцати.

– Что случилось с твоей рукой? – спрашивает он, хотя сам явно уже знает ответ.

– Порезалась случайно, когда пыталась покончить с собой.

– Чувство юмора есть, значит, не все так плохо, как описано в твоей истории болезни. Ты любишь, когда тебя называют Джиной?

– Да.

– Хорошо. Итак, Джина, расскажи мне, что ты чувствовала, когда взяла в руки лезвие.

Он не сводит с меня глаз, пристально смотрит, словно пытается заглянуть мне в душу.

– Ничего, – вру я.

Я не из тех людей, которые открыто могут говорить о том, что происходит у них на душе. Я буду тихо страдать, переживать, добивать себя мыслями, но ни с кем не поделюсь своей болью.

– А что ты чувствовала, когда очнулась после аварии?

– …Ничего.

– «Ничего». Когда человек говорит, что ничего не чувствует, это значит, что он чувствует гораздо больше, чем можно себе представить.

В данный момент я чувствую, как доктор Хэйз пытается пробиться сквозь кирпичную стену моей души.

– Джина, закрой глаза, слушай мой голос и давай краткие ответы.

Я подчиняюсь его команде.

– Во что ты была одета в день аварии?

– В черное платье. У меня был выпускной.

– Так. Ты окончила школу с отличием?

– Да.

– Куда собиралась поступать?

– В Йель.

– Высокая планка. Ты была уверена в своих силах?

– …Почти.

– Ты всегда подчиняешься своим родителям?

Этот вопрос застал меня врасплох. Он затронул ту проблему, с которой я борюсь с самого детства.

– …Да.

– Что было после выпускного?

– Я, моя подруга и мой парень поехали к друзьям на вечеринку.

– Как зовут твоего парня?

– Скотт. Мы с ним расстались.

– Почему вы расстались?

– Потому что… – Его лицо. Я вижу лицо Скотта в тот момент, когда я застала его с той блондинкой. Его взгляд, в котором царит страх. А затем слышу его голос. Сердцебиение вмиг учащается, я нахожусь на грани. Угаснувшая боль вновь накрыла меня волной. Старые раны снова начали напоминать о себе. Он зашел слишком далеко. Слишком. Я открываю глаза, и их быстро заволакивает прозрачной пеленой из слез.

– Я не могу. Извините.

– Думаю, на сегодня наш сеанс закончен. Спасибо.

В столовой играет приятная музыка. Мягкий желтый свет, идущий от многочисленных люстр, делает атмосферу по-домашнему уютной. На мгновение задумываюсь о своей семье. Наверняка сейчас тоже ужинают. Лишь стук стаканов и звук соприкосновения приборов с посудой разбавляют тишину в доме. Даже Нина молчит, понимая, что обстановка накалена до максимума. Хотя, может быть, дело обстоит по-другому. Мама, папа и Нина спокойно проводят вечер, папа, как всегда, рассказывает про своих пациентов, мама внимательно слушает папу и Нину, которая вопит о предстоящих экзаменах в балетной школе. И никто не омрачает им вечер своим присутствием.

На моем подносе уместились стакан морса, булочки, тарелка с тушеными овощами и пюре. К вечеру мой аппетит разыгрался.

– Ну, как прошел первый день? – спрашивает Андреа.

– Нормально. Если не считать поход к психотерапевту. Я не думала, что это будет так сложно.

– А кто у тебя?

– Эдриан Хэйз.

– Тебе нереально повезло.

– Да уж.

– Нет, я серьезно. Эдриан хороший врач, да и сам по себе он ничего такой.

– Что-то я не обратила внимания.

Андреа уплетает порцию пюре из шпината.

– Как ты можешь есть эту гадость?

– Знаешь, за пять лет можно привыкнуть к этому зеленому поносу.

Мы смеемся. В этот момент к нашему столику подъезжают Том и Брис.

– Приятного аппетита. Встречаемся в парке после ужина, – говорит Томас, затем они с Брисом занимают свободный соседний столик.

– В парке? Зачем?

– Мы каждый вечер проводим в парке. Там пусто, никого нет, очень круто. Только Роуз об этом не знает, так что мы, можно сказать, нарушаем одно из первых правил центра.

Я вспоминаю о договоре между мной и Роуз. Никаких нарушений, полное спокойствие и подчинение всем правилам все три месяца. Надеюсь, что она не узнает. В конце концов, я должна наладить контакт с кем-то, чтобы окончательно не замкнуться в себе и не погрязнуть в своей депрессии.

В парке действительно здорово. Ни единой души, лишь слышен шелест листьев, которые тревожит тихий сонный ветер. Небо усыпано звездами. Они игриво поблескивают, так и хочется встать на ноги и дотянуться до них. В воздухе повис сладкий аромат спящих цветов.

Я не знаю, о чем обычно разговаривают в этом центре, поэтому начала с самого банального и сверхглупого вопроса.

– Как вы оказались в инвалидном кресле? – спрашиваю я.

С удивительной легкостью первой решается ответить Андреа.

– У меня оссифицирующая фибродисплазия. Это когда твои мышцы постепенно превращаются в кости. Гадость редкостная. Особенно когда тебя с детства мотают по разным клиникам и врачам, даря пустые надежды на исцеление.

Моя челюсть отвисла после услышанного. Я испытываю и жалость, и в то же время восхищение. Несмотря на страшный диагноз, она ведет себя гораздо оптимистичнее, чем некоторые здоровые люди, и рассказывает о нем так, будто

говорит не о страшном заболевании, а о новом сингле какой-нибудь поп-группы или же о какой-то маловажной, несерьезной новости.

– У меня все проще. Я увлекался мотоспортом. Даже несколько раз был чемпионом, но судьба любит ломать таких крепких орешков, как я. На очередной гонке мой стальной конь подвел меня. В итоге: прощай, спорт. Привет, инвалидное кресло и жалкое существование.

– А ты, Брис?

– На меня напали, всадили нож в спину по самый корень. Вообще не люблю я про это рассказывать. Я много раз пытался стереть из памяти тот день, но ничего не выходит. Достаточно посмотреть на это гребаное кресло, как все события снова всплывают в голове. Теперь твоя очередь.

– Я… попала в аварию. В день выпускного. Столкнулась с грузовиком лоб в лоб… Ничего интересного.

– Так, а вы что здесь делаете? – слышим мы грубый мужской голос в темноте.

– Черт, это Маркус, – говорит Андреа.

– Кто такой Маркус?

– Начальник охраны, – отвечает Том.

– Я спрашиваю, что вы здесь делаете? Вы что, забыли, что после отбоя запрещено выходить за пределы центра?

– Маркус, успокойся, мы просто решили подышать свежим воздухом перед сном.

– Быстро все направились по своим комнатам. А утром вам предстоит серьезный разговор с Роуз.

Глава 5

– Ну, и в чем дело, Вирджиния?

Я была последней из нашей четверки провинившихся, кого должна была отчитать Роуз.

– Я не знала, что после отбоя нельзя никуда выходить.

– Глупее отмазки я еще никогда не слышала.

Роуз стоит, опершись о стол. Раздражающее тиканье часов, стоящих на ее столе, сводит меня с ума.

– Я так понимаю, наш договор отменяется?

– Нет, – резко говорю я. – Я… просто хотела с кем-нибудь подружиться, я не думала, что так получится. Пожалуйста, дайте мне шанс.

Роуз скрещивает руки на груди, обходит свой стол и садится на кресло.

– Хорошо. – Я выдыхаю. – Но только при одном условии: с этого дня ты будешь помогать санитаркам в нашем медицинском центре.

– Что?! Вы шутите? Какой из меня помощник?

– Не волнуйся, ничего сверхъестественного тебя заставлять делать не будут. Два часа в день ты будешь ухаживать за одной из пациенток.

– Вы издеваетесь? Я тоже пациент этого центра, почему я должна за кем-то ухаживать?

– Либо ты соглашаешься, либо я забываю про наш договор.

– …Ладно. У меня все равно нет другого выхода.

Медицинский центр находится в соседнем корпусе. Медсестра лет двадцати пяти, на бейдже которой написано «Вэнди», так быстро катит мое кресло, что мне кажется, я вот-вот выпрыгну из него. Пока она везет меня к пункту назначения, я мельком осматриваюсь. Здесь уже атмосфера гораздо серьезнее, чем в моем корпусе. В воздухе запах медикаментов, серость палат беспощадно поглощает солнечные лучи, а еще здесь очень тихо, не слышно смеха, разговоров и даже шепота. Только отдаленные звуки колес каталок.

Вскоре, мы останавливаемся напротив двери одной из палат. Проходим внутрь. На кровати лежит пожилая женщина. На вид ей семьдесят, может, больше. Седые волосы коротко подстрижены, кожа бледная, покрытая россыпью пигментных пятен. Ее глаза сомкнуты, рот приоткрыт.

– Скарлетт. – Вэнди подходит к кровати и улыбается. – Скарлетт, я знаю, что вы не спите, прекращайте.

Женщина нехотя открывает глаза и тяжело вздыхает.

– Я же говорила, чтобы меня не беспокоили в это время. Неужели так трудно запомнить? Господи, где же вас таких берут?

– Скарлетт, познакомьтесь, это Вирджиния, с этого дня она будет за вами присматривать и помогать, если понадобится.

Скарлетт бросила на меня взгляд, полный недовольства.

– Она будет мне помогать? Калека?

Мне хватило нескольких секунд, чтобы каждой клеточкой своего тела возненавидеть эту бабку. Разворачиваюсь и выезжаю из палаты. Худшего наказания и не придумаешь.

Из палаты выходит Вэнди.

– Вирджиния, я понимаю, Скарлетт не подарок. Если честно, все стараются избегать эту старушонку из-за ее скверного характера. Но я надеюсь, ты привыкнешь к ней.

Меня пожирает чувство безвыходности. Сжимаю кисти в кулаки, медленно выдыхаю и вновь захожу в палату.

– Скарлетт, я тоже не в восторге от всего этого, поэтому давайте просто смиримся с ситуацией.

Старуха смотрит на меня в упор, затем смеется, и ее противный смех поднимает шкалу моей ярости еще на несколько сантиметров.

– Зашторь окна.

Тащу свою коляску к окну, выполняю ее просьбу, чувствую, как она смотрит мне в спину и насмехается.

– Хочу воды.

Направляюсь к столику с графином, наливаю в стакан воду, еду к кровати.

– Уже не надо. Я перехотела. Ты так долго возишься.

Спокойствие. Сохраняй долбаное спокойствие. Ставлю стакан на стол.

– Убавь кондиционер. Мне дует.

Спокойствие. Спокойствие. Спокойствие.

Беру в руки пульт, убавляю.

– Ты что, хочешь, чтобы я здесь задохнулась?! Сделай нормальную температуру.

Если мое терпение сравнить с наполненной чашей, то та уже вдребезги разбита.

– Скарлетт, когда я говорила, что нам нужно смириться, я не имела в виду, что вы должны издеваться надо мной.

– Деточка, ты забыла, зачем ты здесь? Если не будешь слушаться, я расскажу обо всем Роуз.

Эта старая рухлядь с превеликим наслаждением высасывает мне мозг через соломинку.

Выжимаю из себя последние капли терпения.

– Мне нужно в туалет.

– …И что я должна сделать?

– Возьми судно под кроватью, подними меня и положи под задницу.

– Я… я не смогу это сделать.

– Неужели? – Престарелая посланница Ада смеется. Морщины на ее лице сложились в гармошку, все ее тело выглядит таким дряблым, что кажется, если она немного пошевелится, то рассыплется в прах. – Ладно, немощь, иди, позови медсестру. Только живо, а то мой мочевой пузырь не любит долго ждать.

Неудивительно, что от нее отказались все родственники и направили сюда. Как можно терпеть этого Дьявола, запертого в умирающем теле?

– И вот теперь я обязана убирать дерьмо за этой старухой.

Мы находимся в просторной аудитории. Стены выкрашены в белый цвет, который заполняет все пространство. Как мне объяснили, раз в неделю здесь проходит арт-терапия. Что-то типа творческого кружка с психотерапевтическим уклоном. У каждого присутствующего имеются краски, несколько кистей и мольберт.

– Да, не позавидуешь. Нам Роуз всего лишь объявила выговор. Поговори с ней, может, она поменяет пациента?

– Нет, не поменяет. Она это сделала специально. Это мое испытание, она проверяет меня.

– Зачем? Что ты ей такого сделала?

– Просто я первый человек, который высказал ей все в лицо. Знала бы я, какая она мстительная, сто раз бы подумала перед тем, как это сделать.

В аудиторию входит Эдриан Хэйз. Как обычно, улыбается, щурясь при этом. Я замечаю небольшую ямочку на одной из его щек. Затем понимаю, что вот уже минуту нагло пялюсь на него, и чувствую, как мою шею заливает жаром.

– У каждого из вас есть свой внутренний мир, в котором сейчас происходит настоящая борьба. Борьба с болью. Борьба с окружающим миром и, наконец, борьба с самим собой. Цель нашего сегодняшнего мероприятия – изобразить на бумаге то, что вы чувствуете. Не стесняйтесь своих ощущений, просто возьмите в руки кисти и откройтесь всем.

Это задание привело меня в замешательство. Наблюдаю за остальными, они уже вовсю рисуют, и делают это так легко и непринужденно. Андреа уверенно наносит мазки, Брис сосредоточенно оставляет штрихи на бумаге, Том настолько увлекся, что даже прикусил нижнюю губу. А мой лист прожигает мне глаза своей белизной.

Эдриан начинает проверять работы.

– Томас, что ты чувствуешь?

– На данный момент я ощущаю лишь чувство голода, поэтому и нарисовал кусочек пиццы.

Эдриан смеется, хлопая Тома по плечу.

Он обходит всю аудиторию, каждого хвалит, а я смотрю на свои сухие кисти и чувствую себя отсталой. Я не способна справиться даже с таким легким заданием.

Мое сердце вмиг заколотилось, когда Эдриан оказался рядом со мной.

– Джина, ты опять ничего не чувствуешь? – спрашивает он спокойным тоном. Я медленно расслабляюсь.

– Ну почему же. Чувствую. Просто не знаю, как изобразить страх и отчаяние.

Эдриан наклоняется ко мне, и я чувствую аромат его парфюма. Он едва ощутим, но когда первый раз вдыхаешь его, то запоминаешь навсегда этот сладкий, пряный запах.

– Скажи, чего ты боишься больше всего на свете?

– Насекомых, наверное. Они отвратительные.

– Вот, нарисуй какого-нибудь паука, и пусть он отображает твой страх. – Эдриан дает мне в руки кисть. – А вот насчет отчаяния все же подумай сама. Ты знаешь ответ, просто в очередной раз бежишь от него.

Спустя несколько минут на листе появляются огромный паук и… инвалидное кресло.

Вечером, находясь в своей комнате, я решила разобрать вещи. Мама, видно, хорошо покопалась в моем гардеробе и положила в чемодан самое необходимое. Два свитера, толстовку, две пары джинсов, несколько футболок, нижнее белье, кеды, сапоги, куртку и мое любимое белое платье. Оно длинное, из какой-то легкой, воздушной ткани. Его дополняют небольшие рукава-фонарики. Это платье мы купили с Лив прошлым летом. Помню, как мы весь день разъезжали по торговым центрам, Лив так на меня злилась, когда я мерила вещь, говорила, что она мне безумно нравится, но все равно ее не покупала. Но когда я нашла это белое платье, я поняла, что его обязана купить. Вечером того же дня, мы со Скоттом пошли в кино. Я надела купленное платье. Скотт, когда увидел меня, назвал меня принцессой, а после я его поцеловала. Этот поцелуй мои губы помнят до сих пор.

В другой сумке нахожу книги, большинство из которых я давно уже прочитала, косметичку и алюминиевую коробку. Внутри этой коробки я нахожу кучу фотографий и валентинки. На фотографиях я не узнаю себя. Вот я стою на своих ногах, улыбаюсь, обнимая Лив. Мы стоим у школы, это наверное класс седьмой или восьмой. А вот я с мамой, папой и Ниной у какого-то водопада. Вот фотография, на которой я и мои одноклассники в парке аттракционов. Кажется, что это и вовсе не происходило со мной. Закололо меж ребер так сильно, что перехватило дыхание.

У меня в руках фото, где я и Скотт. Он целует меня в щеку, а я стою с пурпурными щеками и смущенно улыбаюсь. Мои веки наполнились слезами, губы затряслись. Ведь когда-то было все хорошо. Когда-то я думала, что я самая счастливая девушка на свете, потому что рядом со мной человек, который меня любит. Я жила иллюзией любви, которая заволокла меня, словно туман и из-за которой я не смогла вовремя разглядеть обман и предательство. Теперь я не знаю, что чувствую к Скотту. Либо это остатки влюбленности, либо это чувство обиды, которое, подобно кислоте, постепенно разъедает меня. Но обижаюсь я не на Скотта, а на обстоятельства. Почему жизнь нельзя отмотать назад, как видеозапись в телефоне? В моем случае эта опция была бы как нельзя кстати. Я бы тысячу раз подумала перед тем, как сесть за руль пьяной. Перед тем, как надавить на газ, и перед тем, как не думать о последствиях.

Просматриваю валентинки, что подарил мне Скотт. Помню, как я радовалась, когда он мне их дарил, потому что он был моим первым парнем и до него я никогда не получала эти картонные сердечки. Постоянно завидовала девушкам, которые получали их от своих парней. Каждая валентинка до сих пор пахнет его парфюмом.

Щеки стали мокрыми из-за слез, в висках пульсирует кровь. Если постоянно смотреть на эти фотографии и валентинки, которые являются своеобразными мостиками в прошлое, то можно сойти с ума от безысходности, которая давит так сильно, что хочется взвыть.

Я нажимаю кнопку вызова, и спустя несколько минут в комнату заходит Фелис.

– Что случилось?

– Помоги мне избавиться от всего этого.

Языки пламени с жадностью пожирают фотографии, на которых запечатлены счастливые моменты моей жизни. Сначала закругляются края, затем чернеет глянцевая поверхность, а следом все превращается в пепел. Моя прошлая жизнь превращается в пепел.

– Красивые были фотографии. Зачем ты их сжигаешь?

– Хочу избавиться от воспоминаний.

Смотрю на огонь, и у меня перед глазами мелькают обрывки некоторых моментов из моей жизни. Вспоминаю, как мама сказала мне заехать после того, как закончатся уроки, за Ниной в балетную школу. Занятия еще не закончились, и я на цыпочках прокралась в зал и начала наблюдать за происходящим. Маленькие девочки в нежно-розовых купальничках повторяют движения за педагогом. Нина, знала, что я за ней наблюдаю, и поэтому старалась все делать лучше всех.

Затем всплывает следующее воспоминание: я бегу школьный кросс, чувствую, что еще мгновение – и упаду, потому что мои силы уже на исходе. В итоге я прибежала пятой. Первое место заняла какая-то блондинка, я уже не помню ее имени. Я так ненавидела себя за свою слабость.

Ветер пронизывает до самых костей. Фелис тушит костер и заставляет вернуться в здание.

Глава 6

Постепенно первая неделя пребывания в «Центре ненужных людей» подходит к концу. Все же Андреа не права. Время здесь течет очень медленно. Проходит день, а кажется, что неделя. Могу сказать, что я понемногу привыкаю к этому месту. По крайней мере встаю я уже гораздо раньше, прежде, чем заиграет музыка из радиоприемника. Столовская еда кажется мне менее противной. И я привыкла засыпать под эхо от телевизора, который доносится из комнаты Фелис. Но к чему я никогда не привыкну, а вернее, к кому, так это к Скарлетт. Эта старушонка играет на моих нервах, и это ей доставляет небывалое

удовольствие. Из-за ее прихоти вчера я полдня провела в библиотеке, ища какой-нибудь интересный женский роман, который Скарлетт еще не читала. Выяснилось: она прочла уже все. Но в итоге я же осталась виноватой. Два часа в день с ней становятся для меня настоящей пыткой. Мое терпение, подобно бомбе, взрывается, но я не могу подавать виду.

Еще не могу привыкнуть к спокойствию.

Здесь все настолько стабильно и неподвижно, что кажется, будто ты умер и находишься в промежуточном мире между Раем и Адом. Это спокойствие угнетает меня и лишний раз напоминает мне жуткую правду, от которой я стараюсь убежать: вся моя жизнь теперь – это мертвое спокойствие. Ничего не будет происходить в ней, она остановилась. Она парализована.

Одна приятная вещь все-таки имеется в этом центре. Это беседы с доктором Хэйзом. Сначала меня жутко тревожило то ощущение, когда кто-то пытается внедриться в твои мысли, сознание, чувства. Но вскоре я поняла, что еще ни с одним человеком в мире я не была столь откровенна. Конечно, он применяет свои психологические штучки, чтобы вытащить из меня откровения. Но я не злюсь на него. Его мягкий взгляд и тихий, проникновенный голос действуют на меня как успокоительное или же как наркотик, к ним мгновенно привыкаешь.

В очередной раз я прихожу к Скарлетт, но не застаю ее в палате. Доезжаю до сестринской.

– Вэнди, а где Скарлетт?

– Она на диализе. Подожди немного, она скоро придет.

Около получаса провожу в ее палате. Хотя это палатой назвать сложно, о том, что это больничное помещение, напоминает лишь запах и капельница у кровати. На небольшом комоде стоят несколько фоторамок с фотографиями, на которых изображена улыбающаяся Скарлетт. На одном пожелтевшем фото с каким-то мужчиной, а на другом с маленьким ребенком на руках. Здесь я ее едва узнала. Такая молодая и очень красивая.

Медсестры привозят Скарлетт в палату и укладывают ее. Ее кожа гораздо бледнее, чем обычно, синие узоры вен просвечивают сквозь нее.

– Скарлетт, вам что-нибудь нужно?

– Нет, – отвечает она, тяжело дыша. Я чувствую, как нелегко ей дается каждый вздох.

– Может, доктора позвать?

– Кончай играть в мнимую заботу. Меня уже от нее тошнит.

Я замолкаю, но не свожу с нее глаз. Я навещаю ее уже несколько дней, но за все это время мы толком и не разговаривали, если не считать вечных придирок и приказов. Ее глаза закрыты, но веки дрожат. Снова притворяется спящей.

– А что такое диализ?

Скарлетт сжимает губы, заметно, что она недовольна тем, что я нарушила ее покой. Но все же она открывает глаза, и я уже жду, что она вновь назовет меня любопытной калекой и прогонит прочь.

– Когда твои почки отказываются работать, тебя подключают к специальному аппарату, от которого зависит вся твоя жизнь.

Почки. Ну конечно. Проблемы с почками – это одно из последствий, которое влечет за собой инвалидность. Я читала об этом в брошюре в клинике. Вся дальнейшая жизнь инвалида – это борьба с последствиями, которые зачастую ведут к летальному исходу.

– Шея затекла.

Я приближаюсь к ней, взбиваю подушку, в этот момент Скарлетт смотрит на мои руки и резко хватает ту, на которой шрам.

– Это еще что такое? Зачем ты это сделала?

Я отстраняюсь.

– Я не обязана перед вами отчитываться. Сделала и сделала. Какая разница?

– Глупый ребенок ты. Тебе дается целая жизнь, а ты ее губишь.

– Это вы называете жизнью? – спрашиваю я, ударяя ладонями о подлокотники кресла.

– Знаешь, в авариях люди погибают, а с моим диагнозом долго не живут. Но я и ты до сих пор здесь. Значит, мы еще зачем-то нужны?

Здесь все происходит по расписанию. Все обязаны соблюдать режим дня, словно мы находимся в тюрьме. Проснулся, поел, сходил на час приветствия, подышал свежим воздухом, а затем начинаются путешествия из одной процедурной к другой. Потом беседа с психотерапевтом, ужин и отбой. И так проходит каждый день. Все пациенты следуют расписанию беспрекословно, выполняют каждый пункт на автомате. Когда смотришь на это все со стороны, становится страшно. Неужели и я стану такой же, как они? Потеряю надежду и полностью подчинюсь своей инвалидной коляске?

Звонки Лив после того, как я очутилась в центре, стали редкими, а вскоре и вовсе исчезли. Я очень хочу надеяться, что у нее все в порядке, и не теряю надежды, что хоть изредка она вспоминает обо мне. Не знаю, можно ли это назвать предательством, также я могу лишь догадываться, что послужило причиной в один момент отказаться от меня. Но самое страшное не это. Потрясает то, с какой легкостью я приняла этот факт. Кажется, кошмарнее боли, обиды и разочарования может быть только опустошение, которое как паразит поселяется в тебе, стремительно разрастается, словно раковая опухоль, посылая метастазы к сердцу, которое когда-то любило, к мозгу, который еще недавно трепетно сохранял все воспоминания. Пустота приводит к тому, что ты медленно, но верно превращаешься в овощ.

В перерыве между процедурами я выбираюсь в парк. За неделю я его уже весь исколесила. Изо дня в день я разбавляю свое свободное время наверстыванием кругов по периметру парка. Уныло, уныло и еще раз уныло.

Но этот день оказался исключением. Я сижу под кроной уже полюбившегося мне дерева, читаю книгу, а затем замечаю, как ко мне подъезжает Том. Мы робко

обменялись приветствиями.

– Что за книга?

– Про жизнедеятельность птиц.

– Птицами увлекаешься?

– С недавнего времени начала.

– Что в них может быть интересного?

– Каждый вид по-своему особенный.

Наш разговор бессмыслен, как реклама на забытом телевизионном канале.

– Не хочешь сыграть со мной в баскетбол?

– Я же не умею.

– Ничего страшного, я научу.

– Ты еще сто раз пожалеешь об этом, потому что ученик я так себе.

На заднем дворе находится небольшая баскетбольная площадка. Мне кажется, что кроме Томаса и Бриса здесь больше никто не играет.

– В баскетболе главное концентрация. Просто представь, что ты уже забросила мяч в кольцо.

Я с трудом представляю, как забрасываю мяч, затем неуверенно бросаю его вверх и… как и полагается, мяч даже и не стукнулся о кольцо.

– Я же говорила, я безнадежна.

– Ничего, это только первая попытка. У тебя получится.

Томас несколько раз показывает, как нужно бросать. Я повторяю, но ни со второй, ни с третьей попытки ничего не выходит.

Наша игра затянулась. Я уже и позабыла, что перерыв закончился и мне нужно отправляться на процедуры. Мы с Томом разъезжаем по всей площадке, кидаем мяч, смеемся, и на минуту я забываю о том, что нахожусь в инвалидном кресле, я не чувствую его, я просто ощущаю движение, которое порождает выброс адреналина в кровь. Хорошо потренировавшись, я собираюсь с духом и, не глядя, кидаю мяч к кольцу. И, о чудо! Первый и, думаю, последний бросок, который мне удался. Я и Томас заливаемся хохотом. Я кричу в небо от радости, будто я совершила настоящий подвиг. В такие минуты я ощущаю себя вполне полноценным человеком, для которого нет преград, который в состоянии справиться со всеми трудностями. Мысленно пытаюсь зацепиться за это ощущение и не отпускать.

– Расскажи немного о каждом члене своей семьи. – Каждый раз, когда я разговариваю с Эдрианом, у меня подскакивает сердце.

Хоть это уже и не первый наш сеанс, но я до сих пор жутко смущаюсь, когда нахожусь рядом с доктором Хэйзом. А когда он смотрит мне в глаза, я вовсе теряюсь и забываю слова, но при этом каждый раз наслаждаюсь цветом его радужной оболочки.

– Папа. Его зовут Ричард. Он работает дантистом, у него куча клиентов, которые его обожают. Он мне не раз рассказывал, как в школе все над ним издевались, он был изгоем до самого первого курса медицинского. Но потом он встретил маму. Их встреча была случайной, но неизбежной. Мама врезалась на своем велосипеде в папин пикап.

Моя мама, Рэйчел, вот уже несколько лет является домохозяйкой. У нее был небольшой салон красоты, который в скором времени потерпел крах. После этого все свое время она уделяла мне и Нине, моей младшей сестре. Иногда Нина меня жутко раздражает, ведь эта функция есть у каждой младшей сестры – бесить старшую. Но я все равно люблю ее, и, если честно, мне безумно ее не хватает сейчас. Так непривычно, что никто теперь не роется в моих вещах, не будит меня по утрам своим оглушающим визгом.

Внезапно дверь кабинета открывается и заходит длинноногая девушка. Ее светлые волосы небрежно забраны в хвост. Узкая юбка облегает бедра, а миниатюрный пиджак едва прикрывает тонкую талию.

– Доктор Хэйз, можно я вас отвлеку?

Эдриан смотрит на девушку, улыбается, затем переводит взгляд на меня.

– Джина, на сегодня наш сеанс закончен.

Я пересаживаюсь в коляску, подъезжаю к двери, рядом с которой стоит девушка. Она очень высокая, или же мне так кажется, потому что я сижу в коляске.

– До свидания.

– Всего доброго.

Я оказываюсь за пределами кабинета и еще долго не отъезжаю от него. Наблюдаю сквозь дверную щель за Эдрианом и той, что прервала нашу беседу.

– Чем займемся сегодня вечером?

– Не знаю, Эстер, не думал еще. Да и вообще у меня много работы.

– Эдриан, мы видимся с тобой раз в неделю из-за твоей работы, неужели ты не можешь хотя бы один вечер уделить мне?

Да уж, у Эдриана подружка под стать ему. Высокая, красивая, фигуристая. Я вмиг почувствовала себя ущербной. Я и до инвалидности была не такой уж красоткой, а теперь… я превратилась в депрессивную субстанцию, перевозящую свое исхудавшее тело на коляске. А так хочется надеть каблуки, платье и, как в старые добрые времена, пойти гулять с Лив и кокетливо хихикать, когда нам засигналят автомобили или когда нам вслед посмотрит группа парней.

На следующий день, после утренней зарядки в парке, я заметила, как больше половины пациентов выезжают за пределы ворот. Я сижу в полной растерянности, но затем нахожу в толпе людей лицо Андреа.

– Что происходит? Куда все направляются?

– Каждое воскресенье мы посещаем церковь. Она здесь совсем рядом находится.

Я была в церкви только на свадьбе одной из маминых кузин. Наша семья не особо верующая. Мой отец атеист, и он постоянно говорит: «Бога придумали лишь затем, чтобы совершать грехи, а потом замаливать их перед Ним. Так людям легче».

И пусть я полностью согласна с папой, я все равно решаю составить компанию Андреа. Наверное, потому, что я жутко соскучилась по миру, что находится за воротами центра.

Внутри церкви у меня все сжимается, я чувствую себя крайне некомфортно. Здесь нет рядов скамей, что имеется в любой католической церкви. Все присутствующие на своих колясках постепенно заполняют помещение. Начинается чтение молитвы. Я ни слова не знаю, поэтому просто сижу и наблюдаю за происходящим. Мой взгляд останавливается на Андреа. Ее глаза закрыты, губы шевелятся.

– Андреа, неужели ты действительно веришь во все это?

Она открывает глаза и с удивлением смотрит на меня.

– Конечно, а ты нет?

– Наверное, нет. Мне кажется, я вообще потеряла веру во что-либо.

– Я верю, что Он существует. Бог дает мне силы для того, чтобы прожить еще один день. Каждая молитва к Нему меня исцеляет.

– Тебя исцеляют лекарства и врачи, Андреа.

– Зря ты так говоришь. Ты просто не понимаешь.

– Хорошо, тогда ответь мне: если Он существует, почему ты страдаешь с самого детства из-за болезни? Почему я попала в аварию? Почему мы все находимся в этих чертовых инвалидных креслах? Почему, Андреа? Где был ваш Бог, когда все это с нами происходило?

Андреа качает головой. Я чувствую, что мои слова задели ее, и мне становится неловко.

– Знаешь, в жизни все не просто так. Если Бог посылает нам испытания, значит, есть за что. Возможно, он нас проверяет, сможем ли мы справиться, заставить себя жить дальше или нет. И тех, кто справился, он вознаграждает. Вот чем я живу, Джина. Я живу ожиданием этого вознаграждения. Оно скоро придет, и я уверена, что после этого все изменится. Я готова ждать сколько угодно, готова вынести все, что угодно, лишь бы получить Его награду. И ты тоже должна этим жить, потому что тех, кто сдается, ждет наказание еще хуже того, что ты сейчас испытываешь.

Весь вечер я тонула в бесконечном океане размышлений, вызванных разговором в церкви между мной и Андреа. Я лежу в кровати, смотрю в потолок, мысли идут одна за другой, но порой мое сознание просто-напросто зависает и отключается на долю секунды. Возвращаюсь в реальность лишь после того, как в комнату зашла Фелис и сказала, что пришло время принимать ванну.

Этот центр – настоящий мир для инвалидов. Здесь каждый миллиметр предусмотрен для удобства пациентов. Раковина, туалет, ванна – все они… особенные, сделанные специально для людей с ограниченными возможностями.

Я сижу в ванне, голая, стараюсь хоть как-то прикрыть свои интимные зоны. Хоть мое тело видело приличное количество врачей, что меня лечило, оперировало, но я все равно смущаюсь и готова сквозь землю провалиться из-за того, что кто-то видит меня без одежды.

– Фелис, я могу и сама помыться. – В это время моя чернокожая «надзирательница» трет мне спину мочалкой.

– Нет, это исключено.

– Фелис, я не настолько недееспособная, чтобы ты мыла мне задницу.

– Джина, я верю тебе, но я не имею права оставить тебя здесь одну. Я за тебя головой отвечаю.

Я тяжело вздыхаю и пытаюсь заставить себя хоть как-то отвлечься от того чувства, которое сдавливает мне горло. Нет ничего хуже, чем ощущать себя жалкой и ничтожной.

– Фелис, а у тебя есть дети?

– Нет.

– А муж?

– И мужа нет.

– А сколько тебе лет?

– Сорок четыре.

– И что, тебе совсем не хочется завести семью?

– Моя семья – это пациенты. Сама подумай, зачем мне дети, если мне уже есть кому мыть задницу?

Мы смеемся, да так громко, что боюсь, нас слышит и Роуз в своем кабинете.

Глава 7

Сеансы психотерапии для меня как волшебный эликсир. После каждого разговора с доктором Хэйзом меня посещает чувство, будто до этого у меня за спиной был огромный рюкзак, наполненный грудой камней, и вот теперь я, наконец-то, от него освободилась.

– Мы со Скоттом встречались два года. И это были самые необычные два года в моей жизни.

– Почему? – Сегодня Эдриан одет в черные джинсы и темно-бордовую рубашку-поло. Он выглядит элегантным и в то же время юным. Каждый раз, когда я хочу посмотреть на него, мой взгляд замирает на нем, и я уже не могу отвести глаза. Поэтому я стараюсь смотреть на различные предметы в его кабинете. Например, на шкаф, что стоит за его спиной, в нем, на первых двух полках аккуратно в ряд стоят книги, а на последней полке – пустая прозрачная ваза и несколько фотографий, изображение которых мое неидеальное зрение не различает.

– Потому что до этого я ни с кем не встречалась и поэтому даже не знала, как вести себя на банальном свидании.

– Ты чувствовала себя счастливой рядом с ним?

– Да… хотя, может быть, мне это всего лишь казалось, но благодаря Скотту я познала много нового. Например, сколько ударов сердца повлечет за собой его прикосновение или же как сильно будут дрожать мои колени, когда он впервые меня поцелует. Мне нравились те ощущения, что я испытывала, когда он мне звонил или писал сообщения и когда я засыпала, зная, что он сейчас думает обо мне. Я чувствовала себя нужной. Наверное, это и есть счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/steys-kramer/my-s-istekshim-srokom-godnosti-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить